

переходит
МИРОВ Константин БОЯНДИН

ОСЕНЬ ПРЕЖНЕГО МИРА

Северо-Запад

Константин Юрьевич Бояндин
Осень прежнего мира
Серия «Ралион», книга 3

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136778
Осень прежнего мира: Северо-Запад; Москва; 1998
ISBN 5-7906-0083-2

Аннотация

В романе «Осень прежнего мира» читателя ждет погружение в причудливый мир, где уживаются десятки разумных рас, соседствует магия и техника, где проклятия меняют жизни целых держав, а смертные вершат судьбы богов.

Содержание

История 1. Поправка и проклятие	4
I	4
II	6
III	10
IV	13
V	19
VI	23
История 2. Ловушка	25
VII	25
VIII	30
IX	40
История 3. Туман	44
X	44
XI	48
XII	55
XIII	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Константин Бояндин

Осень прежнего мира

Моей бабушке, Горбачёвой Надежде Васильевне

История 1. Поправка и проклятие

I

Нападавшие появились словно из ниоткуда.

Человек, что привлёк их внимание, сидел на невысоком камне и, под проливным дождём, сосредоточенно рассматривал какой-то предмет. С точки зрения нормального человека, вероятно, было бы странно сидеть, промокнув до нитки, на камне, с едва светящимся фонарём в руке... но поживиться иногда удаётся в самых неожиданных местах.

Удар по голове был не очень сильным, но когда человек пришёл в себя, он валялся лицом вниз в бурлящей от дождя грязи, что-то холодное и острое прижималось к горлу, едва позволяя дышать, а чьи-то хриплые голоса с оживлением обсуждали его судьбу.

– ...Если скажет, что тут у него хорошего, то и живым останется, – пояснил, наконец, один из них. Человека грубо подняли из грязи и поставили на колени. Всё его имущество, выброшенное из мешка, лежало на грязной тряпке, что была недавно его плащом.

– Ну, воробушек, подай голос, – потребовал обладатель второго голоса и встряхнул пленника. – Рассказывай, что у тебя тут к чему. Если здесь есть что ценное, то...

– Украшения... из могилы вождя арратов, – с трудом прошептал человек, когда из мешочка на тряпку выпали изящные, чуть потускневшие браслеты, венцы, бусы – всё тонкой работы и, несомненно, древнее. – В... музей Оннда... – человек захрипел – лезвие плотнее сдавило ему горло.

– Лучший музей – это наши карманы, – пояснил обладатель ножа и его напарник довольно заржал. – Что ж, за такую жалкую душонку сойдёт. Что у него магического?

– Ничего, – тихо отозвался второй. – Я уже проверил. Он не маг.

– Тем лучше. – Лезвие отодвинулось и человека отпустили. Он упал на четвереньки, с трудом глотая холодный и восхитительно чистый воздух. – А это что ещё за дрянь?.. – и тяжёлый сапог поднялся над куском каменной пластинки, которую человек рассматривал в момент нападения.

– Не... надо, – прохрипел человек, протягивая руку к пластинке. Нога задержалась в воздухе и второй грабитель, что поспешно прятал украденное в мешок, поднял голову. – Не раз... бивайте. Заберите, продайте, подарите, но не ломайте. Это очень ценный экспонат.

– Ну надо же! – восхитился обладатель лезвия. – Ему бы о своей шкуре заботиться, а он... – рука в перчатке подняла осколок за краешек. – Магическое?

Человек покачал головой. Сообщник повторил: – Нет у него ничего магического.

– Ладно, учёная душа, уговорил – рука положила пластинку в тот же мешок. – Будешь сидеть тихо – будешь...

Он не договорил. Сквозь плеск дождя и глухой рокот грома донёсся топот копыт. Кто-то быстро приближался со стороны большой дороги.

– Убегаем, – тот, кто держал мешок, скользнул во тьму.

Человек, шатаясь, поднялся на ноги и шагнул навстречу приближающемуся силуэту всадника.

Открыл рот, чтобы крикнуть.
Обжигающий холод пронзил ему грудь и заставил крик умереть, не родившись.
Всадник понял, что опоздал.
Грабители скрылись, напоследок убив свою незадачливую жертву.
Человек лежал в кровавой луже, постепенно размываемой дождём.
Вероятно, всадник вскоре двинулся бы дальше, поручив судьбу останков кому-нибудь ещё. Но слабый голос, что донёсся с земли, заставил его передумать.
– Помогите... – шёпот был едва уловим.

II

Трактирщик с большим неодобрением следил, как прислуга помогла закутанной в плащ фигуре внести окровавленное тело какого-то бродяги в главный зал заведения. Многие завсегдатаи – среди которых были и некоторые весьма влиятельные люди – с неодобрением следили за этой процессией.

– Мой трактир не место для... – начал было недовольный трактирщик, без особых церемоний хватая облачённого за рукав. Слова, правда, застыли у него в горле. Молодая, красивая и, вероятно, знатная девушка холодно взглянула на него из-под капюшона. Что-то невнятно пробормотав, хозяин склонился перед ней в поклоне.

– Не позвать ли стражу? – спросил он уже гораздо вежливее. – И лекаря? Напали на вашего... знакомого, благородная госпожа?

Девушка неторопливо откинула капюшон и попыталась придать намокшим волосам сколько-нибудь достойный вид.

– Нет, – голос девушки выдавал её северное происхождение. – Я сама справлюсь. Горячей воды, мыла, чистых тряпок. И побыстрее.

Несколько увесистых золотых монет немедленно вывели трактирщика из мучительного оцепенения.

– Слушаюсь, – и хозяин толкнул слугу в спину. Тот прекратил глазеть на гостью и мигом помчался выполнять приказ.

Когда слуги ушли и оставили её одну вместе с раненым, девушка тщательно осмотрела его.

На поясе у жертвы по-прежнему висел небольшой красно-коричневый мешочек. Интересно, почему его не украли? Почему даже не разрезали? Она попыталась взять мешочек, но пальцы... схватили пустоту. Поморгав и тряхнув головой, девушка повторила попытку.

Тщетно.

Впрочем, не кошелёк, каким бы загадочным он ни был, заставил её прийти на помощь. Голос. Точнее, язык.

Раненый произнёс слово «помогите» на Верхнем Тален, языке учёных, магов, вообще образованных людей.

А это означало, что он – хотя бы в знак благодарности – сможет ей помочь.

Она быстро извлекла всё необходимое из дорожного саквояжа и осмотрела рану.

Промыв её, капнула из небольшого хрустального флакончика и произнесла заклинание.

* * *

– Неточно, – голос вывел девушку из раздумий.

Сама рана была достаточно скверной и простого сращения тканей оказалось недостаточно. Лёгкие по-прежнему были повреждены, и сейчас девушка пыталась понять, какое из заклинаний полезнее, мысленно произнося части их формул.

– Неточно, – вновь шепнули губы раненого, но глаза не открылись. – Должно звучать так: «suigan Covaddo»...

– Ты владеешь магией? – спросила его спасительница недоверчиво.

Ответа не последовало.

Впрочем, мало ли что скажет человек в бреду. Лучше уж знакомые формулы, какими бы неточными они кому-то ни казались. После нескольких попыток лечение было завершено.

– Приведите в порядок его и его одежду, – велела она слуге, бросая тому монетку. – Перенесите его в другую комнату и уберите в этой. Пусть его не тревожат.

Тон её и манеры держаться были весьма и весьма убедительны.

* * *

– Приветствую, – голос вывел человека из раздумий.

Память покинула его в кровавой луже на окраине Оннда, а вернулась здесь – пасмурным утром, в скромной комнатке скромного трактира. Одежда была чиста, и – хвала богам! – самое ценное из имущества оставалось при нём.

Что за чудеса?

Не притрагиваясь к завтраку, что источал ароматный пар, человек ощупал себя, осмотрел одежду и не заметил, как в дверь тихонько постучали.

Вошедшая оказалась красивой девушкой, в потрёпанной, но богатой походной одежде и с властными манерами. Кто такая? Где я её видел?

– Не узнаёшь? – голос звучал несколько нетерпеливо.

– Полагаю, что именно вам я обязан жизнью? – человек встал и изящно поклонился. – Чем смогу отблагодарить вас?

Девушка отметила, что её пациент был родом откуда-то с востока. Странно, конечно – Люди предпочитали Север, Запад и Архипелаг. Впрочем, какая разница?

Она заметила, что человек только что встал.

– Спустишься в общую комнату, – произнесла она и человек вновь убедился, что этот голос привык повелевать. – Там и поговорим.

Повернулась и ушла.

Человек сохранял выражение почтительности до тех пор, пока шаги не затихли вдали. Лишь потом позволил себе улыбнуться.

Люди с таким взглядом и тоном не любят улыбок в свой адрес, даже если на то есть основания.

* * *

В общем зале было довольно пустынно. Трактирщик, старательно глядя в противоположную от девушки и её пациента сторону, о чём-то беседовал с ремесленником в потёртой кожаной рубаше. Вопреки ожиданиям человека, пахло здесь вполне прилично. Впрочем, столица всё же...

«Меня уже ждут в храме», пришла в голову мысль. Однако важные дела – в первую очередь. Его сразу привлекла эта северянка... она постоянно притягивала его взгляд. Вот уж не ожидал! Он заказал лёгкого вина на двоих и сел напротив своей спасительницы.

– Я Коллаис, – произнесла девушка и осуждающе посмотрела на бутылочки с вином. – Не рановато ли?

– Не каждый день мне спасают жизнь, – ответил человек и разлил вино по бокалам. – Меня зовут Олли.

Девушка попробовала. Вино было вкусным, совсем не хмельным. Действительно, столица – даже в таком грязном кабаке подают такое вино...

Она рассматривала собеседника. Той ночью он показался седым стариком. Сейчас же выглядел самое большее на тридцать лет. Волосы светлые... ещё одна странность – откуда светловолосому взяться на востоке?

– Ты поправил меня, когда я обдумывала заклинание, – продолжала Коллаис на Верхнем Тален, внимательно наблюдая за собеседником. – Ты знаком с магией?

– Я не помню, что я говорил, – признался Олли на Верхнем языке, непринуждённо переходя на него. Осторожные взгляды, которые время от времени бросал на них трактирщик, сразу же прекратились. – Я скорее владею языками – разного рода – но не магией. Её я не практикую.

– Вот оно что, – медленно ответила Коллаис. – Тем не менее ты – человек учёный. У меня неприятности. Я полагаю, что смогу потребовать от тебя услуги, Олли?

– Разумеется, – ответил тот. Я готов оказывать вам услуги каждый день, едва не произнёс он вслух, но вовремя сдержался. Как бы искренне это ни прозвучало, последствия могли бы быть печальными. – Чем бы я мог помочь? Что с вами...

– Не задавай мне вопросов! – неожиданно злым голосом ответила Коллаис и стукнула кулаком по столу.

Во гневе она ещё красивее, восхищённо подумал Олли. Каштановые волосы, зеленоватые глаза... что она делает здесь, на Юге? Видно же, что родом из какого-нибудь северного королевства... их там хоть пруд пруди.

– Не спрашивай меня, – продолжила она уже спокойно. – В этом часть моих неприятностей, – добавила она осторожно и замолчала, словно ожидая чего-то.

Олли выждал несколько минут, но ничего особенного не происходило.

– Мне потребуется от тебя услуга, Олли, – продолжила она и налила в свой бокал ещё немного вина. – Какая – не знаю. Может быть, сегодня, может быть – через неделю. Или ещё позже.

– Желание? – улыбнулся Олли настолько нейтрально, насколько смог.

Ответной улыбки не последовало.

– Желание, – кивнула Коллаис утвердительно. – Но не мечтай, это будет не поцелуй в щёчку и не букет цветов.

Она собралась было продолжать, как дверь заскрипела и пропустила с улицы порцию утреннего тумана и хмурого стражника.

Тот направился прямо к ним.

– Художник Ользан? – спросил он хриплым басом. Олли кивнул.

– С вами произошёл несчастный случай? – поинтересовался стражник, коротко кивая Коллаис. – Ваши наниматели беспокоятся. Не хотите ли обратиться в службу охраны?

Олли покачал головой. Помимо всего прочего, услуги здешнего правосудия стоили недёшево.

Стражник неодобрительно посмотрел на него.

– Всё же мы хотели бы, чтобы вы оставили описание нападавших, – прохрипел он. – Это уже не первый случай. Могут пострадать другие люди, – стражник выделил последнее слово.

Олли вновь отрицательно покачал головой. Стражник кивнул и удалился, не прощаясь.

Олли взглянул на Коллаис и ужаснулся. Взгляд её смог бы заморозить саламандру. Что это она?

– Коллаис... – начал он было, но договорить ему не дали.

– Художник, – протянула она так, словно слово было неприличным. – Тайком набрался грамоты, чтобы сойти за умника. Ладно, художник, ступай, тебя уже ждут. И забудь, что встречался со мной.

– Я не...

– Скажешь ещё хоть слово – пожалеешь, – она стремительно поднялась из-за стола и удалилась.

Олли вздохнул и, оставив трактирщику плату, удалился сам.

День был испорчен.

* * *

Солнце быстро рассеяло туман.

Я надеялся войти в город через восточные ворота, размышлял Ользан, перемещаясь к центральной части улицы. Вошёл через северные... без ценностей, без таблички, без всего. Теперь ещё предстоит отчитаться перед магистратом.

Остатки денег – кроме тех, что лежали в «кошелек» – также перебрались в карманы нападавших. Что мне стоило спрятать всё в кошелек и идти по дороге! – проклял он себя. Воистину, нетерпение губит всех. Не удержался, свернул посмотреть на знаки... хорошо ещё, что выжил.

Отчитаться перед магистратом означало упомянуть о пластинке. Именно этого Ользан делать не хотел. Многие историки и маги точили зубы на письменные памятники арратов – племени, некогда жившего на территории современной Федерации Оннд. Из этих памятников в своё время были почерпнуты многие ценные сведения, что обогатили современную магию и теологию...

Сообщать о пластинке же не хотелось по одной простой причине: для Дворца Мысли, как и для магистрата, в данном случае он был наёмником. Отдав табличку, он вряд ли увидел бы её в ближайшем будущем – кто он такой, чтобы претендовать на знание? Получил свой гонорар – и свободен!

Иногда кастовая система так же удобна, как кость в горле, подумал Ользан, проходя мимо стража порядка. Тот вежливо кивнул ему. Образованные люди занимали в Федерации высокие ступени иерархии, наряду с мастерами во всех видах ремесла и искусства.

Интересно, почему Коллаис так не любит художников?..

...Когда он дошёл до храмового комплекса, план уже созрел в его голове. Прежде всего – выполнить заказ для Храма. Деньги в ближайшем будущем лишними не будут. Потом доложить в магистрат об ограблении и вернуть аванс – задача не выполнена. А потом попытаться вернуть украденное – восстановив тем самым и часть репутации. О боги, сколько хлопот сразу...

Впрочем, когда Ользан вошёл на территорию Храма Солнца, внутреннее равновесие вернулось к нему. Здесь он был человеком уважаемым и известным.

Всё остальное уладится само собой.

III

Первая миниатюра никак не удавались Ользану, – два дня сидел он над ней, сжав в руке кисточку и глядя в пространство. Жрец неоднократно наблюдал за ним – этот художник, хоть и был самым молодым, несомненно был отмечен милостью богов. Когда работа спорилась, шедевр, соединявший в себе тайную символику культа с гармонией, заметной даже неопытному глазу, выходил из-под его кисти иногда за считанные минуты.

А иногда для этого требовалось несколько дней.

Вот и сейчас жрец смотрел на сумрачное лицо художника и поражался, насколько непостоянным может быть вдохновение.

Миниатюра оказалась по вкусу жрецу – хоть и была простой и не очень глубокой. Ользан испросил разрешения отдохнуть день-другой – и, разумеется, ему не отказали. Те, кто создают зримые свидетельства величия богов, сами подобны богам: пытаться силой принуждать их творить – значит, навлекать на себя беду.

Своё художественное снаряжение он унёс с собой. Разумеется, никто не пишет подобные картины дома: ритуал требует, чтобы окончательные штрихи создавались в стенах Храма.

Наброски, однако, можно делать где угодно.

Из Храма он пошёл не домой – уже третий год он снимал одну и ту же уютную комнату с видом на залив – а в библиотеку.

Смутные видения проникали в его сны после встречи с Коллаис и не давали ему покоя.

* * *

Ему всегда нравились запахи библиотеки.

Страны бывали разными; по-разному относились к учёному – а иногда и просто к грамотному – люду, но библиотеки всегда были как бы вне времени и пространства. Запах трав, которыми окуривали книги – чтобы, не приведи боги, не завелись жучки или плесень. Тишина. Ряды книг – как старинных рукописных фолиантов, так и современных печатных изданий, которые самые богатые могли купить практически повсеместно. Владельцы крупнейших лесов весьма скупно жертвовали дерево на подобные нужды – по-прежнему бал правили щит и меч, а не знание. По крайней мере, среди Людей.

Уже который год длились Сумерки, постоянно дюжины сект и тысячи проповедников объявляли об окончательном падении цивилизаций и разрушении Вселенной – но жизнь продолжалась. Беспокойная, суетливая, но жизнь. И, как водится, наверх всплывало всё самое отвратительное.

Хвала владыкам Оннда: жёсткая общественная иерархия в значительной мере предотвращала всевозможные бунты – хотя и не устраивала многих. Что ж делать, плата за постоянство всегда высока.

Север Большой Земли на сей раз был потревожен не на шутку – ходили слухи, что Империя Лерей – так звали своё недавнее княжество его новые владельцы – решила стереть с лица Ралиона все нечеловеческие расы, ибо последние «виновны в болезнях, бедствиях и нищете Людей» – и в этот раз, похоже, впереди было смутное время для всех. Впрочем, от Оннда до Лерея было далеко, между ними пролегали владения отнюдь не беспомощных правителей – возможно, пожар прежних войн не сможет разгореться с прежней силой.

Обо всём этом думал Ользан, листая атласы и словари. Ему услуги библиотеки, как храмовому художнику, стоили баснословно дёшево – один золотой за сутки работы в читальном зале. Чуть ли не вдесятеро дешевле, чем для прочих смертных.

Чистый лист бумаги под его рукой долго сохранял девственную белизну – мысли упорно не шли в голову. Рука перелистывала страницы в надежде на то, что глаза обнаружат что-либо, сочетающееся с невнятными видениями...

* * *

... Четвёртый век эпохи вестника богов Дайнера был беспокойным; жаждающее экспансии княжество Лерей, подчинив почти все пограничные крохотные королевства и княжества, объявила о своём намерении бросить вызов всему остальному миру. Прежде всего – миру тех, кто не родился Людьми.

Всё это было уже не ново. Не Люди принесли агрессию и войны на Ралион, не они первыми пытались распространить своё влияние повсеместно, не они первыми научились находить радость в страдании других. Но, лишённые каких бы то ни было особых свойств – по сравнению с другими расами – Люди то вели себя дружелюбно и энергично осваивали мир, обогащая его искусством и знанием, то в необъяснимых приступах агрессии обращали самих себя и свои земли в залитые кровью пепелища, в грязь, трясину и пустоши.

Так остальные расы поневоле обучились искусству ведения войны; Ольты создали и совершенствовали мрачную эстетику оружия и битвы; те расы, которые не могли скрыться под землю, призывали на помощь богов и разрабатывали военные аспекты магии. Пышно расцвели школы боевых искусств.

Однако, самым страшным оружием и последствием первых войн было межрасовое недоверие.

Его, к сожалению, внедрили повсеместно именно Люди.

Однако Федерация Оннд показала, что Люди, при надлежащем обращении, могут быть незаменимыми членами общества. Почти семь тысячелетий существования – весомый аргумент. Первые законы Империи Оннд, что высек её первый правитель на стенах давно поглощённой морем Охранной башни так же отличались от современных, как грубые алтари варваров от великолепных Храмов. И всё же сохранилось что-то на протяжении немислимо долгих эпох. И войны разорили южную часть Большой Земли в наименьшей степени. Ту самую часть, где некогда встал городок Оннд – Новый Город на языке первопоселенцев.

... Теперь, когда Наблюдатели были изгнаны из новоявленной Империи и запрещённое оружие готовилось к употреблению против её врагов, Сумерки во второй раз окрасили жизнь Ралиона в траурные тона. Нелегко жить во время войны, но всего ужаснее – жить в ожидании войны...

* * *

Ользан очнулся и посмотрел на лист бумаги. Там тонкими линиями был обозначен знак – четыре вертикальных линии, контуры цветка, лежащего поверх всех четырёх линий. Герб? Условный знак? Ользан пододвинул к себе массивный том географического атласа – самый полный за три последних века – и открыл карту княжества... виноват, Империи Лерей.

Шесть смежных королевств, лесное государство Сеаринх и несколько крохотных полосок незаселённой территории – вот что отделяло Лерей от остального континента. Почему он открыл именно это? Что навело его на такие мысли?

Взгляд его упал на стремительные, тонкие линии рисунка. Медитативное «знание», доступное практически всем, не вызвало у художника особого доверия. Во многих случаях оно сообщает не подлинное знание, а затаённые мысли гадающего. Так же, как таблички и иглы для вызова духов, на счету у которых немало жертв. Впрочем, каждому свой выбор.

Итак, цветок. Посмотрим, посмотрим... Ользан пододвинул словарь – жаль, старый – и принялся листать статьи о геральдике. После получаса поисков труды его увенчались успехом.

Герб, который его рука набросала во время транса, принадлежал одному из правящих семейств небольшого княжества Шантир. Оно занимало коридор, ведущий – через любой из трёх имеющихся перевалов – в центральные государства. Стратегически важный пункт. Ользан поднял глаза к потолку, вспоминая, что передавали по *килиану* вчера и позавчера. Пока, вроде бы, Лерей прямой агрессии не предпринимал.

Итак, его спасительница – из Шантира. Шантир... Опал, пещерный мох, медная руда... достаточно популярные товары для торговли. Постой, ведь у неё конь; сбруя коня – вся в серебряных украшениях. Неужели она...

Порыв огненного ветра обжёт ему гортань и заставил упасть на стол, прямо на книгу. На миг прохладный и спокойный зал превратился в раскалённое пекло пустыни, в смертоносные дюны Выжженного острова. Жадно хватая воздух, Ользан поднялся на ноги, и тут же всё прекратилось.

Вокруг воцарилась благословенная прохлада. Хор встревоженных голосов ещё несколько секунд пел тоскливые похоронные песни в его ушах. Наконец, и это стихло.

– С вами всё в порядке? – помощник библиотекаря. Встревоженный, готовый немедля позвать за лекарем.

– Всё в порядке, – слабо улыбнулся Ользан и вытер мгновенно вспотевший лоб платком. – Я немного перетрудился вчера. Благодарю вас, беспокоиться не о чем.

Помощник кивнул и удалился, успокоенный.

Известная история, передаваемая поколениями разных народов – «старайся *не* думать о...» – более не была камнем преткновения для медитативной магии. Или, скорее, для медитативных упражнений. Классические маги аркану медитаций за магию не считали.

Мысли были готовы вернуться к сбруе и гербу, к Коллаис и грабителям... и, вероятно, к новой порции обжигающего воздуха – а, возможно, и к смерти. Большинство проклятий, как человеческого, так и божественного происхождения, основаны на неуправляемости человеческой памяти.

Но... *Kaital Omel Haita*, мысленно прочёл Ользан первые слова Мантры Сосредоточения и спустя несколько минут изгнал опасные мысли из сознания, как изгоняют назойливый дешёвый мотив, забыть который по-доброму не удаётся.

Ещё спустя полчаса он уже направлялся домой. Кое-какие идеи уже посетили его. Похоже, что Коллаис ищет здесь кого-то из знакомых... из очень хороших знакомых.

Надо бы закончить наброски к вечеру, думал Ользан, поглощая великолепный ужин. Хозяева комнаты, которую он снимал, содержали весьма приличный трактир. Повара они были отменные, надо отдать им должное.

Закончить наброски, решил Ользан, и... спать. Времени для упражнений сегодня не осталось... слишком сильны ещё воспоминания о страшном холоде в груди, грязи сверху и снизу, и пустоте, что наваливалась со всех сторон.

Нехорошо, конечно – первый перерыв за одиннадцать неполных лет занятий... но даже самое строгое расписание допускает один-два пропуска.

В четыре часа утра будильник разбудил его изящной мелодией.

Начинался новый день.

IV

Пусто в приёмном зале Дворца мыслей.

Половина шестого утра.

Никто не охраняет Дворец; люди низших сословий – *халла*, как их называют в Федерации – и за солидную сумму не подойдут близко к храму магии и мудрости. Не их это дело. Пернатый змей Эзоксу не подпускает души, не облагороженные науками и искусствами... и горе тем, кто осквернит его святыни своим недостойным прикосновением. Возможно, далеко не всё правда из того, что рассказывают о богах... но всем нужно нечто непознаваемое, сильное, ужасное.

Всем нужны боги. Чем бы их не именовали – законами природы, богами, духами предков, судьбой.

Одинокая фигура пересекла пустынную комнату и остановилась у обширной доски объявлений. Выглядела последняя так же, как и на любом базаре, бирже труда или приёмной магистрата. Только что не было похабных надписей.

Фигура постояла возле секции, выделенной всем желающим оставить записку. Чего здесь только не было – стихи, хорошие и не очень; приглашения на разнообразные вечера – развлечения и не только ради; загадочные послания; обыденные надписи о пропажах, находках, прочей ерунде.

Тот, кто стоял у доски объявлений, повидал немало подобных мест. На северо-востоке, в землях Ольтов и Карликов, роль подобных залов исполняли трактиры, театры, магические хранилища новостей. Ходили слухи, что задолго до открытия *килиан* Человеком-алхимиком Голтаром из Меорна «зрячие» камни охраняли подступы к Шести башням, оплоту чародеев, что натравили на мир полчища химер. Вот только не все знают, как пробудить камни от спячки и заставить их поделиться увиденным.

И холодные призмы горного хрусталя, что украшают многие жилища, святилища и перекрёстки – случайно ли они все похожи друг на друга? Смешиваются вера и суеверия, магия воображения и пыль времён, наука и обман... Порой никто уже не в состоянии понять, что было, для чего было, да и было ли?..

Человек шагнул к стенду и прикрепил короткими железными булавками к деревянной плоскости тонкий лист бумаги. Оглянувшись – не видит ли кто? – и провёл поперёк листа жирную полосу кусочком угля. Вновь оглянувшись.

Никого.

Изваяние Эзоксу Всезнающего, что топорщило украшенные крылья за его спиной, не собиралось рассказывать о его визите кому бы то ни было. Да и кто спросил бы об этом?

* * *

Вопреки всем ожиданиям, работа спорилась с самого утра.

Две прекрасных миниатюры – Элиор, Поражающий Нежить и Элиор, Дарующий Свет – уже высохли на специальном возвышении в рабочей комнате художника.

Стену возле входа в этот заветный уголок Храма украшали, по традиции, небольшие надписи, оставленные всеми, кому доводилось работать для Храма. Без малого шестьдесят веков стоял здесь Храм; лишь три комнаты, считая эту студию, никогда не перестраивались. Надписи бесчисленных художников, ваятелей, резчиков по дереву и металлу, ювелиров, музыкантов, проповедников и одним богам ведомо кого ещё украшали стену причудливым орнаментом. Тщательно оберегался он – опрыскиванием особыми составами, уходом за всей студией – не менее тщательно, нежели за тем, что считалось святой святыней Храма.

Ибо здесь запечатлена история Храма. Много ли на Ралионе святых мест, что могут гордиться столь долгой историей? Ведомы были Оннду и завоевания, и смерчи, и пожары, но никогда ни стихия природы, ни стихия разума не вредили Храмам.

...Напевая, Ользан получил и третье задание – реставрировать барельеф, украшающего главное святилище. Ответственная работа. Одних положенных воззваний к божеству и внутреннего равновесия здесь недостаточно. Символика, которой было покрыто святилище тысячи лет назад, ныне могла пониматься иначе. Создать новую – значит, взять на себя ответственность за то, что ощутят верующие.

Тут, прежде чем взять в руки кисть, резец или иной инструмент, надо *увидеть* цель работы. Впрочем, не умеет Ользан видеть, не видать ему подобных заказов. Десятки тысяч великолепных художников трудятся во всём мире – но в Храмы пускают далеко не всяких. Так что оснований гордиться собой у Ользана, конечно, предостаточно. Правда, выросший в нищете и недоброжелательности, он как-то привык обходиться малым.

Во всём.

Кроме тяги к знанию. Клочок старой книги, выхваченный им из костра, всегда был рядом. Тот самый кусочек, который подсказал ему, чему стоит научиться.

Впрочем, всему своё время...

* * *

Коллаис впервые в жизни ощутила себя преступницей.

Художник, которого угораздило попасться ей на пути, конечно, внимания не заслуживал... если бы только не одно небольшое обстоятельство. Два слова, которые он произнёс в бреду, «*suiran Covaddo*», долго не давали ей покоя. В том заклинании, которым она вернула ему здоровье, были похожие звуки.

Вся беда была в том, что похожие. Да только не следует понапрасну произносить слова заклинаний, – в особенности, если не намереваешься пускать их в ход. Целительница, которая обучала Коллаис, не уставала повторять: «магические слова, как драгоценные камни: не стоит прикасаться к ним без необходимости».

Однако Коллаис отважилась мысленно повторить часть заклинания, куда, по мнению Олли, должны были вписываться те два слова. Звучало приятно. Все заклинания подбирались согласно музыке звука: помимо самих слов и правил произнесения, конечно, важен внутренний настрой, наличие ресурса энергии... много чего. Так что не страшно, если неуч подслушает слова заклинания: без должной практики и старательного изучения ничего у него не выйдет.

Тогда-то и возникла у Коллаис мысль: проверить. Легко сказать! Не резать же себе самой руку ради опыта! А где тогда найти раненого или больного?

Узнай об этих мыслях её наставница, не быть Коллаис практикующим магом. Никогда целители не экспериментировали с заклинаниями на живых существах: им помогала медитация. Потому, наверное, в Арканах целительства и жизни так мало заклинаний... – ведь каждое нужно осознать, прочувствовать, проверить!

И всё же искушение попробовать было невероятно сильным. Коллаис так и не смогла понять, почему это произошло. Всего два слова! Неужели они могут так воздействовать на человека? Она прижала ладони к вискам и долго сидела, напевая Мантру Самоконтроля, пока опасные мысли не сгнули, оставив её в покое.

На второй день своего пребывания в Оннде Коллаис переделалась так, чтобы её северное происхождение не бросалось в глаза и отправилась в город. Денег у неё было не так много. На месяц с лишним неплохой жизни, конечно, хватит, но что делать дальше?

Остаётся надеяться, что целителям здесь работа найдётся. По слухам, Федерация переживала не лучшие времена и самые западные её государства намеревались объявить независимость. В мирное время это было бы пустяком, но ослабление Федерации сейчас могло причинить ей значительные хлопоты. Впрочем, подумала Коллаис, не моя это забота.

Ей, потерявшей собственный дом, беспокоиться ли о чужом?

* * *

Прошло три дня. Коллаис быстро отыскала лечебницу; крупнейшая из всех лечебниц ближайших городов-государств, она никогда не пустовала. Самые серьёзные вмешательства, конечно, требовали денег. Иногда – значительных. Но ежедневные проблемы – царапины, порезы, тысячи неприятных болезней – вот уже сотни лет не задерживались в Оннде надолго. Даже низшие и презренные *халла* – дворники, нищие и прочий сброд – всегда могли рассчитывать на бесплатное исцеление. Таково было одно из условий вхождения государства в Федерацию.

Обязательная медицинская помощь. Для всех. От заключённых до правителей. Сравнительно небольшие налоги, которые приходилось платить Федерации вполне стоили спокойствия и военной поддержки, которую Федерация гарантировала всем вступившим в неё. Единственного не было дано изменять её членам: властей Федерации. Загадочные шесть людей (или кто уж они там были), никогда не появлявшиеся при народе, умело вели внутреннюю и внешнюю политику.

Следовало бы, конечно, задуматься, почему их шесть... но так было написано в летописях Оннда: «и шестеро мудрецов, собравшись, утвердили закон и предложили всем окрестным государствам мир». Остатки первой – высеченной в камне – летописи Оннда и Федерации тщательно охранялись в Музее Оннда и пережили все три случая, когда богам было угодно, чтобы Оннд был захвачен неприятелем.

...Вступительный «экзамен» был прост. Одна из целительниц (в отличии от её родного Шантира, здешние почти все были женщинами) поговорила с ней, «прислушалась» к своим внутренним чувствам и, взяв с Коллаис символическую плату, выдала ей лицензию на право исцеления в Оннде.

– Если вам угодно, – пояснила она, – то можете приступить к работе прямо сейчас. У нас в больнице всегда полно работы. Много вам здесь не заплатят, зато практики будет достаточно.

Коллаис кивнула – что-то, а практика нужна. То, что работа будет довольно грязной и неблагодарной, отчасти даже хорошо. Может быть, удастся найти способ отыскать... но об этом думать было нельзя. Огненная игла сразу же вонзилась в основание черепа и Коллаис постояла некоторое время, закрыв глаза.

– Вам нехорошо? – участливо спросили её. Не открывая глаз, Коллаис ответила: – Благодарю вас, это дорога. Мне пришлось долго путешествовать.

Чьи-то пальцы прикоснулись к её голове и пульсирующая боль прошла.

Пора было приниматься за работу.

* * *

В тот же день Ользан проснулся с мыслью: «Сегодня».

Что-то должно было произойти сегодня. Все три ночи он осторожно замахивал во Дворец Мысли, но листок, который он оставил на доске объявлений, исчез тем же вечером. Для

успеха рискованного замысла Ользана было необходимо, чтобы обладатель его наброска сам отыскал его.

Иначе... он уже не сомневался, что на Коллаис лежит какое-то странное, но мощное проклятие.

Проклятия! Самая обширная, чудовищная и отвратительная отрасль магии. Где каждая ошибка может стать последней, и приходится молиться, чтобы смерть была мгновенной.

Судя по его собственным ощущениям, проклятие, словно чума, передавалось и другим людям. Подробно подумать об этом ему придётся потом... если будет это «потом». План, который он составил, мог сработать. Ну, а если Коллаис решит уехать из Оннда... что ж, ему, Ользану, придётся следовать за ней тенью. Или пасть вместе с ней, если и когда Коллаис совершит роковую ошибку.

Какую именно – он не знал. Понятно было одно.

Проклятие спускалось с незримой привязи словом.

* * *

В тот же день она отыскала возможность проверить «правильное» заклинание. В отделении для безнадежно больных лежал лесоруб с заражением крови. Чрезвычайно редкий случай, подумала Колаис, морщась от запахов крови и распада, что неизменно сопровождали подобные помещения.

Ни ароматические травы, ни маски не помогали полностью избежать соприкосновения с неизбежными явлениями, сопровождающими смерть.

Судя по всему, лесорубу дали что-то обезболивающее. На него было страшно смотреть и, вероятно, ему полагалось испытывать невероятные мучения. Но он лежал тихо, в забытьи и даже улыбался. Что ж, подумала побледневшая Коллаис, в этом есть какой-то смысл. Ей не доводилось видеть медленной смерти. Войны в Шантире не были редкостью, и многие из воинов либо выздоравливали – от прикосновения ли целителя или своими силами – либо умирали сразу.

Кроме неё и лесоруба, в комнате никого не было.

И искушение победило.

Мысленно простившись со своей профессией, Коллаис присела перед умирающим и сосредоточилась. За несколько часов ей довелось прочесть лишь пару лёгких заклинаний, так что сил должно было хватить.

Решившись, она прикоснулась к лихорадочно горящему лбу и произнесла заклинание. Заменив два слова из его середины на те, что «подсказал» Олли.

Слабо-розовый туман за клубился над дровосеком и Коллаис физически ощутила, как заклинание «выкачивает» её магические силы. Поднялся и рассеялся слабый туман и всё было кончено.

Перед ней лежал здоровый, спящий человек. Он был измождён – борьба с подкрадывающейся смертью не прошла для него даром – но был совершенно здоров. По всему видно.

Коллаис захотелось запрыгать от радости – и от того, что всё получилось, и от того, что никто не застиг её, экспериментирующей над человеком. Но тут рука опустилась ей на плечо и девушка едва не вскрикнула от ужаса.

– Где вы выучили это заклинание?

Коллаис, всё ещё лишённая дара речи, с трудом поднялась с колен и оглянулась. Целительница – невысокого роста, почтенного возраста и немалого ранга испытующе смотрела на неё. Невероятно трудно было отвести взгляд от её внимательных серых глаз.

– Меня зовут Эллаир, – представилась целительница. – Пока Верховный Целитель в отъезде, его замещаю я. Мне никогда не доводилось слышать подобное прочтение...

Она склонилась над дровосеком и внимательно осмотрела его.

– Поразительно! – воскликнула Эллаир. – Мы все будем вам благодарны, если вы и нас научите подобному. Его – она кивнула на спящего – доставили сюда четыре часа назад, уже в безнадёжном состоянии.

– Меня... – язык трудно повиновался Коллаис, и предстояло ещё придумать правдоподобное объяснение. – Я училась целительству неподалёку от Шантира. Там меня и научили.

– Идёмте, – Эллаир поддержала Коллаис за руку. – Вы растратили все силы, дитя моё. Вам необходимо отдохнуть.

– Кроме того, – добавила она, закрывая дверь в комнату, – теперь в Оннде есть человек, который ежедневно будет молиться о вашем здоровье.

Сил Коллаис хватило только на вялый кивок. Она устала так, словно сутки бежала в полном боевом облачении.

* * *

Всегда немного грустно осознавать, что работы закончена. Барельеф был восстановлен на славу, и, помимо благословений жреца (милость его гневного покровителя никогда не бывает лишней), была награда и вполне материальная. Не золото: никогда Храмы не расплачивались презренным металлом. Драгоценные камни. Все – из добровольных пожертвований Храму.

Перед закатом солнца в Храме должна была пройти служба. Посмотреть бы, подумал Ользан, любуясь великолепной архитектурой, но некогда. Обращаться в другие Храмы Оннда сейчас не стоит: Элиор ревнив. Надо либо выждать изрядное время, либо уйти в другой город. Последнее было привычным: вот уже четыре года Ользан странствовал из одного города Федерации в другой. Если не находилось иной работы.

А работу найти не так-то просто.

Он обернулся ещё раз у символических ворот, открывавших вход к Храму, как чей-то вежливый – но исполненный скрытой угрозы – голос окликнул его со спины:

– Не вам ли, любезнейший, принадлежит это творение?

Ользан обернулся и встретился глазами с широкоплечим молодым человеком, в богатой одежде и с небольшой бородкой. Хотя он и улыбался, глаза оставались ледяными, а в руке он держал эскиз Ользана.

Герб Шантира, перечёркнутый крест-накрест жирными чёрными линиями.

Если бы я испугался, он заставил бы меня съесть этот эскиз, подумал Ользан, спокойно выдерживая взгляд незнакомца. Лёд в глазах последнего немного подтаял, но в голосе продолжала звучать враждебность. Он опустил руку с зажатым в ней эскизом и медленно скомкал его.

– Мне, – признался Ользан.

– Тогда потрудитесь объясниться, – приказал незнакомец и Ользан уловил призывок того же акцента, который он слышал в таверне несколько дней назад. – Я не привык, чтобы шутили над гербом моей страны.

– Идёмте, – Ользан указал в сторону моря. – Я знаю одно уютное место, где мы можем побеседовать. Подождите немного, – он позвал храмового слугу и передал ему конверт вместе с мелкой монеткой. Мальчишка кивнул, довольный, и умчался – относить послание по адресу.

Незнакомец презрительно хмыкнул. Решил, наверное, что я подмогу вызываю, – подумал Ользан, сдерживая улыбку.

– Идёмте, – повторил он и отправился первым.

Шёл он спокойно и не оглядываясь. Его новый спутник следовал позади – молча и нахмурившись. Было очевидно, что он намерен получить ответы на все свои вопросы.

V

В «Трёх лунах», куда Ользан привёл своего нового знакомого, было малоллюдно. Неудивительно; во многих заведениях подобного рода жизнь начиналась только поздними вечерами. Ользана здесь знали и трактирщик кивнул на один из свободных четырёхместных кабинетов.

В полном молчании двое пришедших уселись друг напротив друга.

– Прежде, чем придёт тот, кого я позвал письмом, – Ользан первым нарушил молчание, – я хотел бы спросить вас кое о чём.

– Я не понимаю, что вы затеяли, – отозвался его собеседник раздражённо, – и отвечать на вопросы не намерен. Я намерен получить ответ. И уйти – у меня дел по горло. Так что кончайте валять дурака и скажите, что означает вот это? – скомканный лист бумаги полетел Ользану в лицо.

Загремел отодвигаемый стул.

– Вы занимаетесь магией? – спросил Ользан, аккуратно разглаживая лист и укладывая перед собой.

– Да, – было ответом. – Так что поторапливайтесь, любезнейший, пока я окончательно не потерял терпение.

Ользан почувствовал, что сам понемногу начинает раздражаться. Упражнения самоконтроля не были, очевидно, рассчитаны на беседы, подобные этой.

– Если бы я вас испугался, – ответил он менее дружелюбно, – то сразу бы укрылся в Храме. К нам вот-вот придёт посетитель, так что сделайте над собой усилие и ответьте сначала на мои вопросы.

Он ожидал чего-нибудь весьма неприятного, но его собеседник неожиданно разжал кулаки и вновь уселся. Вошедшая служанка несколько мгновений рассматривала посетителей – не стоит ли позвать стражу? – но увидев выражение их лиц, принялась выставлять на их стол аппетитно дымящиеся блюда.

– Вы родом из Шантира, – продолжал Ользан, ощущая, как драгоценное время утекает прочь. – Я не знаю, почему вы здесь, да меня это и не касается. Поскольку вы маг, то должны знать о проклятиях.

На лице его собеседника неудовольствие сменилось озадаченностью. Он кивнул.

– Посему у меня к вам только одно предостережение. Прежде чем вы спросите что бы то ни было у того, кто сейчас придёт, десять раз подумайте.

– Хорошо, – человек кивнул Ользану в ответ. – Меня зовут Бревин Шаальтар и я действительно из Шантира. Что-то в вас...

– Ользан, – коротко представился Ользан.

– ...Что-то в вас, Ользан, говорит мне, что вы не лжёте. Однако если вы меня втянули в какие-то личные ваши проблемы, я обещаю вам, что вы об этом пожалеете.

Ользан мысленно вздохнул. Пожав плечами, он указал на стол.

– Предлагаю пока пообедать.

* * *

Гонец поймал Коллаис по дороге домой. До южной части города от лечебницы было минут тридцать ходу – если не нанимать экипаж. Однако Оннд выгодно отличался от большинства северных городов тем, что был чист и сравнительно безопасен. По такому городу было приятно пройти пешком.

Голова у неё ещё немного кружилась; местные целители долго не отпускали её, вслушиваясь в звуки нового заклинания и запоминая его. Каждое новое заклинание в Аркане Жизни всегда было событием. Неплохо я начинаю, подумала в какой-то момент Коллаис. Не успела приехать в город, а уже становлюсь знаменитостью.

Гонец остановил её, погружённую в раздумья, и вежливо поклонился. Коллаис открыла конверт, с изображённым на нём гербом Федерации (крепость на берегу моря) и оторопела.

На листе бумаги был несколькими торопливыми штрихами начертан герб Шантира. Ниже стояли две фразы, обе несколько раз подчёркнутые.

Первая: «Три Луны».

Вторая: «Срочно».

Мне кажется, я знаю, кто это, подумала Коллаис и ей почему-то на миг стало неловко. Олли вызывал противоречивые чувства. От чьего имени он передал это странное послание?

И как стало известно, откуда она родом?

Коллаис кинула гонцу ещё одну монетку и требовательно взмахнула рукой, подзывая экипаж.

До «Трёх Лун» ехать было всего несколько минут.

* * *

Собеседники успели пообедать – не произнося ни единого слова, после чего Бревин откинулся на стуле и задумчиво уставился на стену, прислушиваясь к звукам извне. Звуков было не так уж и много. Музыканты не появятся до вечера, а редкие посетители, как правило, помалкивали.

Ользан почувствовал, что что-то меняется в окружающем его мире за несколько секунд до появления Коллаис. Не обжигающий жар, что сжал его горло тогда, в библиотеке, но предвестник жара. Ему стало не по себе. Сердцебиение участилось и во рту неожиданно пересохло.

Судя по всему, Бревин тоже что-то почувствовал, так как перестал смотреть на стену и растегнул ещё одну пуговицу своего камзола. Странно, подумал Ользан. Как это ему не жарко – в такое время ходить в камзоле?..

Коллаис появилась на пороге их кабинета – со знаком целителя, приколотым к куртке и конвертом в руке.

Оба мужчины поднялись со своих мест. Ользан – молча, отходя к стене и пристально глядя в глаза потрясённому Бревину. Тот, видимо, совершенно не ожидал подобной встречи и никого, кроме Коллаис не замечал.

Коллаис сделала шаг назад, прижимая ладонь ко рту.

Жар сгущался в комнате. Капельки пота мгновенно выступили на лбу у Бревина; он смахнул их ладонью и сделал шаг вперёд.

– Лаис? – спросил он неожиданно охрипшим голосом. – Ты здесь? Что случилось с...

Ужас возник в глазах Коллаис. Ользан ощущал, как сила, необоримая и страшная, вот-вот обрушит на них потоки пламени. Всё, доигрались, – мелькнула мысль. Сейчас он закончит вопрос, и всем нам конец.

Но Бревин замолк, словно вспомнив о чём-то. Он увидел непередаваемый ужас и отчаяние, которые охватили Коллаис и слова застряли в его горле.

– Понятно, – произнёс он после бесконечно долгой паузы. Ользан слышал его словно сквозь толщу камня – едва различимо. В ушах грохотал могучий молот, пол и стены сотрясались.

– Мне всё понятно, – повторил Бревин и, к удивлению Ользана, улыбнулся. Улыбка была невесёлой. – У меня нет больше дома.

Жар и сила, сгущавшаяся в полумраке кабинета, рассеялись, словно их и не было. Некоторое время все стояли, жадно вдыхая прохладный воздух и радуясь тому, что жизнь ещё продолжается.

Потом Коллаис кинулась в объятия Бревина и разрыдалась, прижавшись лицом к его груди.

Ользан тихонько вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

Удивительно, но никто в трактире ничего не заметил.

* * *

– Странно всё это, – произнёс Бревин, наливая себе ещё вина.

Они сидели дома у Ользана. Выбор был прост; идти к Ользану было ближе всего. Коллаис спала в соседней комнате, так что говорили вполголоса.

– Несомненно, – подтвердил Ользан, отрываясь от своего альбома с набросками. – Никогда бы не подумал, что вы – брат и сестра. Вы мало похожи друг на друга.

– Верно, – кивнул Бревин. – Все так говорят. Я вышел в отца, а Лаис – в мать. – Он вздохнул. – А я-то ещё удивлялся, куда это подевался старый Глешар.

– Глешар?

– Слуга, – пояснил Бревин. – Видишь ли, дядя настоял, чтобы я отправился учиться. В общем-то он прав. У нас грамотность – редкое явление, а знание магии – и подавно. Так вот, Глешар время от времени появлялся, привозил мне вести из дому и деньги, – Бревин тихонько рассмеялся. – Дядя по-прежнему думает, что я – бездельник и умею только тратить.

Ользан молчал, глядя в окно.

– Неплохо лето начинается, – продолжил Бревин. – Ты сильно не удивляйся, Олли, не так-то легко свыкнуться с мыслью, что у тебя не осталось ни дома, ни родины, – только сестра.

– По-моему, у тебя прекрасное самообладание, – осторожно заметил Ользан, глядя по-прежнему в сторону. – Да и Лаис держится неплохо.

– Да, в нашем роду слабых людей не бывает, – подтвердил Бревин и Ользан вновь скрыл улыбку. – Вопрос только в том, почему её попросту не убили там же, в Шантире. И почему Глешар, покинув город, не подсыпал мне яду на прощание.

– Ты думаешь, что переворот устроил твой дядя?

– Очень на него похоже.

Оба замолчали.

– Я привык рассуждать логически, – продолжал Бревин. – А тогда непонятно, зачем связываться с проклятиями, полагаться на заклинания, когда можно было всё решить традиционными средствами? Либо мы рано радуемся, либо...

Ользан пожал плечами.

– Лаис упоминала про какого-то чародея.

– У нас чародеев, как крыс в амбарах, – отмахнулся Бревин. – Самый могущественный из них только и умел, что произносить внушительные слова и устраивать фейерверки. Так что о ком она говорит, мне непонятно. Да и к чему чародеям Шантир? Мы, конечно, достаточно богатая страна, но вокруг нас есть гораздо более богатые! Я не говорю, конечно, о Лерее – там одного чародея для захвата власти не хватит, но Шантир! – Бревин вздохнул. – Ничего не понимаю.

Ользан провёл рассеянно по матовому шару, укрепленному на стене и тот осветился изнутри мягким желтоватым светом.

В комнате стало светло.

– Кстати, Олли, – Бревин стоял у окна, глядя в сгущавшийся мрак. – Как ты догадался о проклятии? Насколько я знаю, ты не маг. По всем признакам не маг.

– Нет, – Ользан улыбнулся, – *«Только не стремящийся к знанию сможет постигнуть мир; только не знающий магии сможет увидеть все семь её цветов»*, – произнёс он, полу-прикрыв глаза.

– Странная цитата, – отозвался шантирец после паузы. – Где ты её нашёл?

– Вот, – Ользан передал ему своё сокровище – обгоревший кусочек бумаги, на котором сохранилось лишь несколько отрывочных фраз. – Это я спас из костра.

– Значит, здесь тоже жгут книги, – медленно произнёс Бревин, возвращая клочок его владельцу. – Ну так как, Олли?

– Догадался, – Ользан пожал плечами. – Мне в голову иногда приходят совершенно неожиданные мысли. Видения...

Он охнул и встал из кресла.

Голова у него закружилась и миллионы крохотных иголочек принялись вонзаться в его тело. Бесчисленные огоньки зажглись в глазах и начали неторопливо вращаться, – словно гигант ладонью перемешивал звёзды, рассеянные в пустоте.

– Ну-ка, глотни, – послышался голос из невероятной дали и что-то прижалось к его губам. Ользан глотнул. Вкус оказался непереносимо горьким.

Тут же мир вернулся в обычное состояние; иголки и туман рассеялись, оставив ощущение странной лёгкости и бодрости.

– У тебя, я вижу, тоже был трудный день, – Бревин завинтил на чём-то крышку и спрятал предмет в карман. – Давай-ка на боковую. Тем более, что торопиться нам теперь некуда.

* * *

Ользан долго стоял у окна.

Бревин и Коллаис, видимо, не привыкли вставать рано. Оннд, над которым ещё не вошло солнце, по-прежнему жил своей жизнью и улицы его никогда не пустели. Глядя на людей, идущих по своим делам, Ользан размышлял, что ему теперь делать.

Он не поведал своим новым друзьям, что подсказывали ему ощущения.

Проклятие, которое должно было сработать, начини Бревин расспрашивать свою сестру о случившемся, благополучно рассеялось. Это, конечно, хорошо. А вот что плохо: оно не было единственным.

Рассказывать им об этом – значит, рисковать, что избежав одной опасности, они немедленно встретятся с другой. Раньше – скажем, после первых Сумерек – проклятия были хоть и неприятными, но медленно действующими. Сейчас же чернокнижники и боги предпочитали молниеносные удары.

Чтобы жертва не могла позволить себе радоваться жизни.

Тот же внутренний голос, который проснулся в библиотеке, пока он просматривал историю Шантира, предупреждал его и сейчас: дело нечисто.

На сей раз, однако, Ользан не имел ни малейшего понятия о спусковом механизме новой напасти. Поразмыслив над этим, он не стал понапрасну беспокоиться: раз опасность может проснуться от чего угодно, незачем находиться постоянно в напряжении. А нужно лишь несколько раз думать, прежде чем говорить или делать.

Ользан вздохнул, прокрался в угол комнаты, где стоял письменный стол, и принялся писать письмо.

За этим занятием его и застали Бревин с Коллаис.

VI

Они сидели в «Трёх Лунах», в том же самом кабинете.

– Значит, мы закончили выяснение отношений, – подвёл итог Бревин, подливая себе ещё чая. – Поскольку ты спас нам всем жизнь, Ользан, я думаю, что ты не откажешься считать нас своими друзьями. Мы, конечно, с сестрой не подарок, но...

– Говори за себя, Риви, – перебила его сестра. Оправившись от вчерашнего потрясения, она выглядела красивее прежнего. – Это ты у нас не подарок. Ты и святого из себя выведешь.

Бревин усмехнулся и пригладил бороду.

– Одним словом, можешь на нас рассчитывать. Хотя мы теперь и бездомные, но сдаваться без борьбы не будем, – и протянул Ользану правую руку ладонью вперёд. Ользан повторил его жест. Бревин легонько прикоснулся своей ладонью к чужой и тут же хлопнул ею по столу. Ользан вновь повторил его жест.

То же самое проделала и Коллаис.

– Ну вот, – Бревин перестал улыбаться. – Теперь мы почти что родственники. Я намерен узнать, что же именно случилось у нас в Шантире и – если судьбе будет угодно – отплатить своей неблагодарной родне.

– Я тоже, – после короткой паузы произнесла Коллаис. В глазах её на миг возник отблеск льда, который уже заставил однажды содрогнуться Ользана. – Если это вообще возможно.

– У вас есть армия? – спросил Ользан осторожно.

Бревин рассмеялся.

– У нас есть только то, что сейчас на нас. Не считая, конечно, коня Лаис и кой-какой мелочи. Армию ещё предстоит нанимать – а значит, нам с ней надо заработать. И солидно заработать.

– Я уже нашла себе работу, – заметила Лаис.

Бревин отмахнулся.

– На спокойную жизнь мы здесь заработаем, сомнений нет. Но чтобы нанять армию, нужны не десять золотых в месяц, а по крайней мере десять тысяч. Нет, я, наверное, попрошу какое-нибудь поручение. Чем опаснее работа, тем лучше платят.

– Я могу вам помочь? – поинтересовался Ользан.

Бревин вздохнул и побарабанил пальцами по крышке стола.

– Откровенно говоря, Олли, нам не помешает магия и знание оружия. Мы с сестрой худо-бедно в этом разбираемся. А ты?

– Я знаю несколько языков... неплохо знаю здешние окрестности. Магией я, как ты знаешь, не занимаюсь, – ответил Ользан, поразмыслив. – Правда, умею стрелять из лука и начинал осваивать холодное оружие.

– Я боюсь, Олли, что у тебя другой способ зарабатывать на жизнь. Вне всякого сомнения, достойный и неплохой, но... я бы не торопился брать тебя с собой. Человек, который ни разу не сражался, может нам только помешать.

– Бревин, – Лаис взяла брата за руку.

– Я знаю, что говорю, – сухо закончил тот. – Хорошо. Олли, признайся честно, ты готов прямо сейчас наняться... так скажем, искателем приключений?

– Нет, – ответил Олли откровенно.

– Тогда мы вернёмся к этому вопросу позднее. Я пойду разузнаю, каковы новости, Лаис, а ты пока перебирайся ко мне. Все расходы я уже оплатил.

Он поднялся, хлопнул Ользана на прощание по плечу и покинул кабинет.

Ользан и Коллаис долго смотрели друг другу в глаза.

– Я вела себя не лучшим образом, – произнесла, наконец, девушка и подняла руку, увидев, что Ользан собирается возразить. – Не перебивай. Я хотела сказать тебе, что твоя поправка сработала.

– Поправка? – не понял Ользан.

– К заклинанию. Ты произнёс её в бреду. Ну так вот, я испытала его на безнадежно больном... и он выздоровел.

– Надо же, – пробормотал Ользан, не зная, что ещё сказать.

– Все местные целители в восторге. Скажи, – она взяла его за руку, – если ты не практикуешь магию, как ты смог придумать поправку?

– Правду говорить?

– Разумеется.

– Мне показалось... – Ользан запнулся, подбирая слова. – Словом, правильное звучание как-то само пришло на ум. Возникло из ниоткуда.

– А ты не пробовал... как бы это сказать... улучшить что-нибудь ещё?

– Нет, – ответил Ользан. Такая мысль не приходила ему в голову. – Кроме того, я не могу целенаправленно заниматься магией. Это может всё испортить.

– Что испортить? – спросила Лаис с нескрываемым любопытством.

Ользан смутился.

– Ну... я не могу тебе ответить. Словом, раз уж решил, надо следовать убеждениям. Так меня учили.

Коллаис долго смотрела ему в глаза.

– Ты странный, – произнесла она, наконец. – Но ты мне нравишься. Я думаю, мы ещё успеем обо всём поговорить.

Она поднялась из-за стола.

– Риви ждёт, – пояснила она на словах. – До встречи, Олли.

Ользан сидел, улыбаясь и повторяя про себя последние слова Коллаис. Из раздумий его вывел вежливый голос хозяина.

Надо было расплатиться.

История 2. Ловушка

VII

Говорят, что первопоселенцы, основавшие Оннд, более трёх месяцев следовали вдоль берега Большой Земли – Унралиа, как они её называли – прежде чем нашли подходящее место.

Впрочем, это неудивительно. Жизнь быстро научила их не отходить далеко от берега, если горизонт был тёмн. Хотя корабли становились всё крепче, мощнее и быстрее, стихии не изменялись. Шторму, проносящемуся мимо южного побережья Большой Земли было совершенно всё равно, что сломать, разбить, уничтожить – лёгкую ли одноместную лодчонку или огромное судно. Правда, в те далёкие благословенные дни не было ещё пиратов, да и слова такого – «пират» – ещё не придумали.

Обосновавшись, новые жители континента принялись понемногу расширять свои владения. И очень быстро убедились, что землю эту своей считают не только они. Помимо других Людей – в большинстве своём диких кочевых племён – им начали встречаться и иные разумные расы.

Кто был прав в те дни, кто виноват – трудно сказать. Но жители крохотного городка Оннд недаром отстаивали свою свободу с оружием в руках. Прежде, чем были поделены земли и влияние, прежде чем выяснилось, что торговать выгоднее, чем вести бесконечные войны, родилось и легло руинами немало городов, крепостей, деревень.

В большинстве своём руины пережили все последующие события – но немногим ныне живущим ведома их история. Единственное, что роднило все развалины – люди не селились поблизости от них. Постепенно возникла и укоренилась молва, что, скрытые от света обломками камней, обитают в тех руинах ужасные чудовища, что владеют миром по ночам. Изредка искатели сокровищ отваживаются потревожить древние камни, но всё реже и реже улыбается им удача.

* * *

Двое путешественников в очередной раз устроили привал, бесцельно проблуждав более двух часов у гряды неприветливых скал. Небольшая долина, начинавшаяся под их ногами, уходила к северу. Земля должна была быть превосходна для земледелия.

– Смотри, колодец! – указала Коллаис на нечто, издали походившее на груду камней. Им уже трижды встречались колодцы; но в лучшем случае в них стояла зеленоватая вода с запахом мертвечины, а в худшем – вообще какая-то отвратительная слизь.

– Давай котелок, – потребовала девушка, заглянув в непроницаемую глубину шахты. – И верёвку. Подлиннее, здесь очень глубоко.

– На, – буркнул её брат, повинуясь. – Только в этот раз отмывать будешь сама. В предыдущий раз ты тоже говорила – «чистая вода».

Его передёрнуло.

Из глубины колодца донёсся плеск.

– Чистая! – торжествующе объявила Коллаис, осторожно поднимая котелок в воздух. Бревин недоверчиво покосился в её сторону и предложил только:

– Проверь, нет ли там заразы.

– Уже проверила, – слышалось за его спиной. После чего перед глазами его возник котелок. – Вот, попробуй.

Вода оказалась невероятно холодной и необычайно освежающей.

– Похоже, стоит заменить воду, – произнёс Бревин, отхлебнув ещё. – Просто чудо, что она так сохранилась.

Он подошёл к колодцу и заглянул внутрь. Стены были выложены из тонких – миллиметров пять – камней, что образовывали причудливую, убегаящую вниз спираль. Вода держалась на глубине двадцати пяти метров.

– Что-то я ничего не пойму, – отозвался Бревин, раз за разом поднимая всё новые порции воды. – Кто построил этот колодец? Все предыдущие сделаны совершенно по-другому. Представляешь, чего стоило соорудить такую кладку на такую глубину!

– И на карте он не обозначен, – заявила Коллаис, исправляя этот недостаток. – Правда, карта вся какая-то странная. Пещеры обозначены не там, колодцы все испорчены или засыпаны. Интересно, нам одним такие карты достались?

С картами вышел конфуз. Атласы в библиотеке Оннда оказались недостаточно детальными. Зато в изобилии оказалось самых разнообразных карт окрестностей, «составленных с одобрения властей», ценность которых оказалась весьма сомнительной.

После того, как Бревин и Коллаис сличили карты, купленные у разных торговцев, их уверенность несколько пошатнулась. Общего, не считая очертаний крупнейших скальных массивов, рек и гор, у карт было мало.

– Ладно, – отозвался Бревин, засовывая пергаменты в сумку. – Видимо, все по очереди об это спотыкаются. Но если я ещё встречу этого купца, то заставлю сожрать эту карту, чего бы мне это не стоило.

Коллаис хихикнула.

– Теперь, похоже, я знаю, на что у тебя уходили деньги, – пояснила она, глядя на брата. – На штрафы.

– Смейся, смейся, – проворчал Бревин, поднимая с земли камушек и запуская его подальше. – Если такая умная, могла бы и предупредить.

– Ты ж у нас самый умный! Сам посуди – разве можно за пол-золотого купить подлинную карту? Удивительно, почему на ней не указаны крестиком зарытые сокровища. Я бы обязательно указала.

Бревин помолчал.

– Я знаю, что я сделаю, – и нехорошо усмехнулся. – Если нам удастся добраться до сокровищ, я обязательно отмечу их на карте. После того, как заберу. И продам эту карту другому лопуху.

– Сначала нам надо хоть что-нибудь найти, – возразила сестра. – Если я правильно понимаю, мы отделились от цели.

– Почему это?

– Вода, – коротко ответила она, указывая на колодец. – Возле логова, которое мы ищем, всё должно портиться. Следовательно, чем хуже вода, тем ближе к цели.

– Верно! – воскликнул Бревин. – Как это мне в голову не пришло! Молодец, сестричка. Только давай сначала пообедаем, я уже с ног валюсь.

– Давай, – согласилась та и прислонилась к дереву. – Иди, собери дрова для костра.

Бревин выразительно посмотрел на сестру, поднялся и принялся выполнять поручение.

* * *

После обеда, конечно, полагалось отдохнуть. Кто ж занимается подвигами сразу после обеда! Бревин улёгся в тени, положив голову на свой рюкзак и рассматривал причудливые, сглаженные ветром очертания скал.

Сестра тем временем долго сличала «карты» и отрывочные записи, которые они сделали в окрестных деревнях. По слухам, непонятные, наводящие ужас на всё живое пришельцы появлялись дважды в год – во время солнцестояний. Все указания жителей трёх ближайших деревень указывали на эту полосу скал, длиной около километра. Да, искать придётся долго... Хорошо ещё, что до солнцестояния целых восемь дней.

– Насколько мы отошли от Оннда? – спросила она, не поднимая головы.

– Километров на тридцать, – ответил Бревин невнятно: в зубах он держал травинку. – Впрочем, здешние деревни подчиняются другому городу. Вон там, к северу...

– Дал... Далхар? Ну и почерк у тебя...

– Данхор. Неплохой город, между прочим. Жить в нём стоит гораздо дешевле, чем в Оннде.

– Столица, понятное дело, – и Коллаис вновь углубилась в раздумья.

Спустя пять минут она отложила записи в сторону.

– Всё сходится, – подтвердила она. – Надо возвращаться и обыскивать те скалы, возле засохших деревьев. Давай, собирай вещи, а не то мы не успеем до заката.

Чем ближе они возвращались к унылым и безжизненным скалам, тем мрачнее становилось на душе.

* * *

Страсть к поискам сокровищ рождается не только от алчности.

Некоторые ищут красоту, скрытую в очертаниях статуй, украшений и оружия; другие ищут знаний, запечатлённых в надписях и изображениях. Кому-то просто приятно прикоснуться к древности, кому-то нет никакого дела до рук, что прикасались к находкам века назад.

С течением времени не осталось сокровищниц, не охраняемых от посягательств грабителей. Как бы сильны не были запреты, как бы страшны ни были легенды, как бы изощрённы ни были способы защиты скрытого, всегда находятся желающие добыть охраняемое. Соревнование это подобно соревнованию брони и клинка: никогда не прекращающееся, но изредка склоняющее чашу весов то в одну, то в другую сторону.

Ралион, естественно, не является исключением. После первых веков колонизации Большой Земли, образования государств разного рода, постепенно появились те, кто был готов пойти на любой риск ради приобретения чего-нибудь неслыханного. После того, как были найдены и разграблены первые гробницы, что строились ещё до появления человека, поток искателей сокровищ невероятно возрос.

Они гибли десятками тысяч, но всегда приходили новые. Ни ловушки и охрана, не гнев потомков тех, чьи останки тревожили новоявленные «археологи», ни жестокие наказания – ничто не могло их удержать. Искатели приключений объединялись в команды и вызывали невиданный спрос на всё то, что служило единственной цели: выжить. Выжить после встречи с существами, призванными охранять тайники или поселившимися в безлюдных подземельях; после встречи с ловушками, хитроумными орудиями уничтожения; после встречи с конкурентами.

Странно порой, как презренное, хищническое ремесло вызывает к жизни новое знание и превращается в достойную и популярную профессию... Впрочем, ни одно из государств Ралиона никогда не одобряло деятельности искателей сокровищ, хотя тайком всегда их поощряло.

Так, вероятно, будет всегда.

Хотя меняется всё, – возможно, даже природа человека...

* * *

Бревин с сестрой не изводили себя философскими проблемами.

Место, на которое указывали все признаки, представляло собой каменную стену метров восемнадцати в высоту, изобиловавшую трещинами, пещерками и прочими деталями рельефа. Место было нехорошим; деревья поблизости от скал были мертвы, птицы облетали их стороной. Даже трава и лишайники не росли в сотне шагов от мрачных камней.

– Ну что? – спросила Коллаис, наблюдая, как Бревин, что-то бормоча себе под нос в десятый раз обходит скалу, присматриваясь к её неровной поверхности. – Что-нибудь есть?

– Вот, смотри, – её брат указал на землю. – Видишь? Красные пятна. Это, несомненно, земля – она кругом здесь с бурым песком. Кто-то побывал здесь, совсем недавно.

– Ты уверен? – Коллаис встала с камня и подошла поближе, чтобы рассмотреть. Решительности у неё несколько поубавилось. Надо же, не успели найти задание – и уже кто-то опередил.

– Посмотри сама, – Бревин поднял голову и принялся рассматривать скалу снова. Куда делся обладатель следов? Влез по скалам наверх? Тогда отпечатки остались бы и на скалах. Хорошо бы, конечно, полазать по ним, но это на крайний случай.

– Что, собственно, тебе сказали? – поинтересовалась она, когда ей надоело рассматривать красные крошки на серо-белом каменном крошеве.

Бревин неохотно извлёк контракт, который он подписал в магистрате. Форма была обычной: «... исполнителю сего допускается приобретение в личную собственность всех ценностей, не зарегистрированных имуществом Федерации и не объявленных в розыск...» и так далее. В графе «Задание» было написано лаконично: «исследовать район возле селения Красные Камни». Ни больше, ни меньше.

– Сдаётся мне, что эта бумага ничего не стоит, – фыркнула Коллаис, возвращая свиток. – Я помню, как писарь сочинял у нас документы. Вот уж где была бумага так бумага... миллион разных случаев предусмотрит, всё возможное опишет и так далее. А здесь получается: «пойди туда, не знаю куда...»

– Всё в порядке, – Бревин застегнул рюкзак и вытер взмокший лоб ладонью. – Зато, если кто-нибудь из местных властей спросит, чего мы тут делаем, эта бумага позволит нам послать его куда подальше. Не писать же, в самом деле: «вскрыть склеп такой-то и извести обитающего там вампира». Тут же объявится уйма владельцев склепа и потребуют от тебя компенсации. Нет, бумага составлена с умом.

Коллаис только хмыкнула.

– Так что теперь осталось только найти вход... – Бревин осмотрелся ещё раз и какая-то идея зашевелилась у него в голове. – Слушай, откуда, по-твоему, он подошёл?

– Кто «он»?

– Тот, чьи следы здесь остались.

– Слушай, кто из нас маг? Ты хвастался, что сможешь отыскать любой предмет за сто шагов. У меня познания несколько в другой области, – Коллаис отцепила свою сумку от пояса и вновь уселась на камень. – А поблизости от этой скалы мне вообще немного не по себе.

– Пробовал я уже искать вход, три раза пробовал, – Бревин был несколько раздосадован. – Вот он, перед тобой. Всё, как полагается. Три раза прочёл из трёх точек. Сел, начертил план. Всё указывает на этот камень. Где же здесь дверь?

Они вновь уставились на несколько квадратных метров сравнительно гладкой стены и обменялись взглядами.

– Жаль, что в Оннде не обучают ходить сквозь стены... – Бревин мечтательно улыбнулся. – В Лайшаде, говорят, жил один маг, который таким образом скопил немислимое состояние. Вот только пропал куда-то.

Коллаис снова усмехнулась.

– Почему бы тебе просто не посмотреть на вход с разных точек зрения? Если уж он не поддаётся силе, значит, есть какой-то механизм.

– Хорошо, если это не отпирающее слово, – задумчиво почесал он подбородок. – Тогда останется только грубая сила...

И принялся вновь ходить вокруг да около, присматриваясь и приглядываясь.

Коллаис присела возле камня, на котором сидела всё предыдущее время. Чем-то он привлекает её взгляд. Чем же?

Плоская верхушка, слишком ровная для обычного куска камня. Явные следы того, что камень обтёсывали. Как интересно! В девушке вновь проснулся азарт и она обошла камень со всех сторон, тщательно осматривая его поверхность. Но ничего, кроме шероховатой, изъеденной водой и ветром поверхности она не увидела.

Одна из граней каменного «кирпича» была косо отсечена. Треугольник. Убедившись, что линии среза ни на что не указывают, Коллаис посмотрела на срез со всех сторон. Сверху он походил на вытянутую стрелку – указатель. Коллаис отошла шагов на десять и осмотрела место, куда должен был бы упираться «взгляд» стрелки.

Обычная земля.

Используя кусок гранита, как лопатку, Коллаис убедилась, что ничего в непосредственной близости под землёй здесь не лежит. Но ведь должно что-то быть! Камень стоит неподвижно уже не один год...

Она взглянула в сторону Бревина – позвать его сюда, пусть тоже подумает и оторопела.

Отсюда линии, трещины и борозды, что испещряли поверхности скалы, выглядели несколько иначе. Среди них выделялся ровный, почти идеально прямоугольный контур. Коллаис встала, ощущая, как забилося сердце... и контур исчез. Присела вновь... и контур таинственным образом воссоздался. Вот оно что!

– Бревин! – крикнула она и энергично замахала рукой. – Иди сюда! Я нашла!

VIII

Внутри царила мгла, тишина и холод. Жаркое и душное лето осталось снаружи; здесь была вечная зима. Пар вырывался изо рта, сквозняки гуляли повсюду, свистя из всех возможных щелей.

Пыли на полу не было вовсе. Впрочем, не надо было быть гениальным сыщиком, чтобы понять, что их опередили и опередили не очень давно. Проход был узкий и спускался в недра скалы – правда, довольно полого. В воздухе витал запах гари.

– Факел, – шёпотом сообщил Бревин, поднимая лампу немного повыше. Потолок был не очень высок, хотя идти можно было не сгибаясь. – Горел здесь не более часа назад.

Коллаис метнула в брата короткий взгляд. Значит, их таинственный соперник всё ещё здесь. Чуть больше часа они и осматривали эту проклятую скалу. Звук от их движений разносился, казалось, на всю вселенную. Бревин был под землёй не в первый раз и знал, что здесь всё не так, как на поверхности. И всё же ему стало не по себе, когда массивная скрытая дверь аккуратно затворилась за их спинами и они оказались во мраке.

Даже если здесь нет никаких чудовищ, подумала Коллаис, здесь есть чего испугаться. Ей тоже доводилось бродить по пещерам. Правда, в Шантире она ходила по окрестным пещерам с солидным эскортом и глубоко забираться ей просто не позволяли...

Бревин покачал лампой и тени метнулись по стенам.

– Масла часа на три, – вновь добавил он шёпотом. – Так что надо поторапливаться. Ну как, глаза привыкли?

Коллаис зажмурилась и вновь открыла глаза. Теперь ей были видны и мельчайшие детали поверхности стен.

– Да, – коротко ответила она и достала свой медальон – символ целителя.

Если поблизости будет нечто, несовместимое с жизнью – нежить, одним словом – медальон изменит окраску. Пока ничего опасного не было и украшение излучало слабый, тёплый жёлтый свет.

Бревин сделал пометку мелом на стене и путешественники принялись спускаться по проходу. Они старались идти как можно осторожнее. Кто бы ни был там, впереди, двигался он осторожно и ничем не выдавал своего присутствия.

* * *

Первый предмет они заметили спустя каких-нибудь пятьдесят шагов. Коридор постепенно выравнивался, постепенно поворачивая на запад. Бревин прикинул в уме, что от моря их отделяет сейчас не более двенадцати метров камня. Интересно, кто и зачем всё это строил?

– Вон там, – указала Коллаис и Бревин тут же остановился, направляя свет от лампы вперёд. Что-то бесформенное грудой лежало на полу, шагах в двадцати от них. Бревин принюхался. Ничем особенным не пахло.

– Следуй за мной, – приказал он, бесшумно извлёк меч из ножен и двинулся вперёд. Посеребренное лезвие отбрасывало узкие, нестерпимо яркие блики.

Груда не шевелилась. Бревин осторожно прикоснулся к ней кончиком меча и со слабым шорохом груда распалась на части. Стали заметны остатки костей – судя по всему, невероятно древних, превращающихся в пыль от лёгкого нажима. Среди праха сверкнуло что-то металлическое. Дротик. Судя по состоянию наконечника, покрытый серебром или заговорённый.

– Чисто, – пояснил он сестре, вытирая пот со лба. – Чёрт, что-то мне не по себе. Вроде бы уже сто раз видел покойников.

Коллаис осторожно протянула ладонь с зажатым в ней знаком в сторону останков. Края медальона перестали светиться и стали чёрно-синими. Она обменялась с братом коротким взглядом.

– Должно быть что-то ещё, – заявил тот. – Не станешь же ты утверждать, что эта груда мусора наводит ужас на окрестности. Если я правильно понимаю, оно безобидно. Если, конечно, руками не трогать.

– Надо понять, откуда оно взялось, – Коллаис указала дальше по коридору. Медальон тут же засветился прежним жёлтым светом. – Откуда-то же оно взялось. А никаких дверей мы здесь не нашли.

Бревин сделал на стене над останками ещё одну пометку светящимся мелком и молча указал вперёд. Судя по тому, как изменилось эхо, впереди находилось помещение гораздо просторнее прохода.

Если бы путешественники прислушались, то обратили бы внимание на слабый скрежет камня о камень у них за спиной.

* * *

– Впечатляет, – произнёс Бревин, поднимая фонарь повыше. Они стояли в сводчатом зале, не менее шести метров высотой. Здесь, в глубинах одинокой скалы, вдалеке от населённых мест он выглядел совершенно неуместно. – Ты что-нибудь понимаешь?

– Дарионы? – неуверенно предположила его сестра, прикасаясь к плите пола. Камень был довольно шершавым.

– Вряд ли, – поморщился тот. – Я, правда, сам никогда не был в их городах, но слышал и читал. У них всё сделано на совесть, тщательно пригнано, отполировано. Да и что здесь делать дарионам? Я не слышал, чтобы здесь когда-нибудь добывали хоть что-нибудь драгоценное.

Он сделал несколько шагов вперёд и остановился, как вкопанный.

– Смотри! – шепнул он сестре.

Чуть дальше, располагаясь одна напротив другой, были две каменные двери. Обе были слегка приоткрыты. Обе продолжали мозаику, которой были украшены стены: прикрой дверь вплотную и уже не так-то просто будет отыскать её вновь.

– Вот это то, что нужно, – произнёс юноша удовлетворённо.

– Можно подумать, там только и ждут, чтобы завалить тебя драгоценностями.

– Разумеется, мы сначала... – начал было Бревин, но сестра прижала ладонь к его губам. – Слушай! – шепнула она.

Какие-то звуки, напоминавшие человеческую речь, донеслись с другого конца зала. Спустя несколько секунд послышался слабый звук – так может скрежетать нечто массивное, передвигаемое по камню.

– Вперёд! – приказал Бревин громким шёпотом и быстрым шагом двинулся вперёд, прикрыв лампу так, чтобы наружу вырывался лишь тонкий лучик. Да и в том не было нужды: когда показался конец зала, из прохода, что вёл куда-то дальше, было заметно, что появился другой источник освещения. Коридор делал резкий поворот спустя каких-нибудь десять шагов.

Бревин замер, бесшумно выхватил меч и бережно опустил свою поклажу наземь. Всё, готов к бою. Оглянулся. Сестра тоже вооружилась мечом и коротко кивнула в ответ. Хорошо, что нас обоих обучали фехтованию, подумал Бревин неожиданно.

И выступил в полосу света. Фигура склонилась в конце небольшой комнатки – над чем-то, напоминавшим огромный сундук, вмурованный в пол. Много разнообразного хлама украшало пол и стены комнатки, но Бревин не обращал на это внимания.

Важно было понять, какотреагирует их соперник на появление новых действующих лиц. И не дать ему ничего предпринять. Бревин некоторое время смотрел, как пальцы незнакомца ощупывают покрытые сложным рельефом стенки сундука, иногда задерживаясь на некоторых выпуклостях и впадинах.

– Так-так, – произнёс незнакомец вполголоса и юноша едва не выронил меч.

– Чёрт побери! – воскликнул Бревин, делая шаг вперёд. – Откуда ты здесь взялся?

Коллаис, недоумевающая, последовала за братом. Незнакомец поднялся с колен (видимо, затёкших от долгого сидения) и повернулся к ним лицом, улыбаясь и счищая налипшую пыль.

– Ользан! – воскликнула Коллаис и была права.

* * *

Бревин раскипятился не на шутку.

– Знаешь, что я тебе скажу! – рявкнул он первым делом, вкладывая меч в ножны. – Если ты собрался произвести на меня впечатление, то выбрал неправильный способ. Ты сошёл с ума, если ходишь в такие места безоружным.

– Он прав, – поддержала Коллаис брата. – Почему ты пришёл один? Почему сюда? Следил за нами.

– Не так быстро! – Ользан поднял обе руки ладонями вперёд. – Не всё сразу. Во-первых, Бревин, я уже не впервые осматриваю всякого рода заброшенные места. Если бы здесь было опасно, я бы попросил вас сопровождать меня.

– Ещё чего! Ты ж сам сказал, что ни магией, ни оружием всерьёз не владеешь.

– Ну и что? Во-вторых, у меня есть то, чего не было у вас, – в руке Ользана появился откуда-то (Бревин не успел понять, откуда) тщательно сложенный лист бумаги. На вид бумага была довольно старой.

– Это карта, – пояснил он. – Если вам интересно, могу потом показать. Мы здесь, конечно, не первые. Да и спустился я сюда не за сокровищами.

– А зачем же, позволь спросить? – сощурился Бревин иронически.

– Вот, – художник указал на сундук. – Видишь символы, которыми он покрыт? Это чрезвычайно редкий язык. Не исключено, что эти надписи помогут разгадать некоторые загадки.

– А что внутри? – поинтересовалась Коллаис.

– Понятия не имею, – признался Ользан. – Да и открывать не советую. Сундук защищён ловушкой, которая...

Только теперь Бревин обратил внимание на слабый скрежет. Рука его метнулась к мечу, но уже было слишком поздно.

Трое людей, с лицами, скрытыми под чёрными масками, возникли у входа в комнату. Двое держали в руках арбалеты; третий поигрывал похожим на короткий жезл предметом.

– Ловушка, говоришь? – громко переспросил тот, что был с жезлом. – Интересно. Вы двое, оставьте оружие на полу и отойдите в угол. Руки держать на затылке.

Ользан не понял слова, которое Бревин произнёс вполголоса, но смысл его был очевиден.

* * *

Судя по всему, размышлял Ользан впоследствии, Бревин не привык иметь дело с охотниками за сокровищами. Если практически у всех школ боевых искусств и владения оружием были кодексы чести, которые порой выполнялись почти повсеместно, то братство кирки и лопаты, как звали их презрительно, не тяготилось никакими условностями. На нейтральной территории конкуренты-кладоискатели могли быть вежливы, приветливы и справедливы.

На рабочем месте им полагалось одно – выжить.

В этот раз, однако, Ользана не охватило чувство обречённости, что сковало его тогда, на коленях в грязи, под проливным дождём. Сейчас он был спокоен.

И наблюдал, как пальцы левой руки Бревина складываются особым образом, как чуть шевелятся его губы... сейчас он выбросит руку вперёд и...

Стоящий впереди лениво пошевелил жезлом. словно порыв прохладного ветра пронёсся в комнатке и ударил в лицо незадачливым путешественникам. Бревин ощутил, как тает, иссякает его магический потенциал. Он вытянул руку вперёд, уже осознавая бессмысленность этого жеста. Однако выстрелов не последовало.

Жалкая искорка сорвалась с кончика пальца шантирца и втянулась в жезл. Нападающие захохотали – незлобно, словно над глупыми проделками ребёнка.

– Хорошая реакция, – произнесла маска с жезлом в руке и тёмные глаза вновь осмотрели пленников. Медленно, словно во сне, они отстегнули ножны с оружием и положили его на пол. По знаку левого грабителя с арбалетом отпихнули в сторону. Взвились клубы тончайшей и удивительно едкой пыли.

– Так что ты говорил о ловушке, приятель? – жезл уставился в лицо Ользану и тот заметил тончайшие синева-белые искорки, что танцевали внутри прозрачного набалдашника.

Ользан вспомнил, где он уже слышал этот голос. И боль серебряной булавкой кольнула грудь. Он невольно прижал ладонь и судорожно вздохнул. Арбалеты чуть качнулись за движением его руки, но выстрела не последовало.

Обладатель жезла усмехнулся.

– Верно, приятель, мы снова встретились. Разве не забавно? Я, кстати, тебе должен – за ту милую глиняную табличку. Я продал её, как ты и просил.

Бревин и Коллаис переглянулись.

– Так что ты сейчас откроешь мне сундучок – и ступай своей дорогой. Всё ж я твой должник, не правда ли?

– А они? – спросил Ользан едва повинующимися губами. Ему пришлось повторять вопрос дважды.

– А что тебе до них? Возьмём с них выкуп, да и отпустим... может быть... – грабитель откровенно разглядывал Коллаис. Бревин поджал губы, но ничем более своих чувств не выдал. – Или не отпустим. Давай, – он подошёл ближе и повелительно взмахнул жезлом. – Открывай сундук. Выживешь – отпущу.

– Постой, мы ж не проверили... – запротестовал один из стрелков. – А если...

Жезл наклонился к сундуку и сделал над ним несколько быстрых движений. Ничего не последовало.

– Всё чисто, – подвёл итоги владелец жезла. – Давай, коллега, открывай.

Ользан на негнущихся ногах подошёл поближе к сундуку и встал перед ним на колени. Прикоснулся к рельефным фигуркам. Скользнул по ним ладонью, взмокшей от напряжения. Только бы главарь ничего не заподозрил...

Из коридора донёлся слабый шорох. Главарь пошевелил повелительно пальцами и один из стрелков юркнул во тьму.

– Открывай, – голос был безразличным, но именно от него у всех пленников поползли мурашки по телу. Главарь встал, направив переливающийся синим жезл на брата с сестрой и прикрыл голову полой плаща. – Иначе я начну поджаривать их прямо сейчас.

В коридоре что-то громко скрипнуло и грабители на мгновение метнулись взглядом к дверному проёму. Ользан повернулся лицом к своим друзьям и прикрыл глаза, сильно сжав веки. Чуть кивнул головой.

Хорошо, если Бревин его правильно поймёт...

Положил ладони на пару защёлок на противоположных концах крышки. Размаха его рук едва хватило, чтобы отомкнуть их одновременно.

Два глухих щелчка.

Положил руки на тяжёлую крышку, провёл по ней рукой, сметая наросшую за года пыль...

Бревин, наблюдающий за сценой и готовый в любой момент броситься ничком на пол, с удивлением увидел, как чуть поплыли и изменились рельефные рисунки на сторонах сундука.

О боги, что здесь происходит?..

Ользан закрыл глаза и напряг мышцы. Крышка была тяжёлой; сразу она не поддалась. Он не знал, что именно должно сейчас случиться, но догадывался, в чём заключался его шанс.

Мысленно он был далеко отсюда.

Он стоял на берегу обрыва, под которым лениво покачивалось море. В детстве он с приятелями по улице любил приходить сюда и прыгать вертикально вниз в тёплую, лазурно-фиолетовую воду. Ощущение полёта, от которого захватывало дух, хоть и длилось мгновения, приносило необычайное удовольствие.

Шаг вперёд...

Голоса бандитов доносились до него, словно с другого края света...

Ещё шаг...

Скрипнула ли крышка под руками, или же это были камушки под босыми ступнями?

Он зажмурился и прыгнул.

Тёплый ветер пригладил его волосы и окружающий мир понёсся ему навстречу...

* * *

Бревин с сестрой не зря тренировались у придворного учителя фехтования в Шантире. Они кинулись вниз, ничком, лицом в отвратительную рыжую пыль. Что-то прошелестело над головой Бревина, наполняя воздух резким вкусом озона. Сквозь плотно сжатые веки и несколько слоёв ткани над ними он ощутил, как комнату затопила небывалой яркости вспышка.

Привычно перекатился в сторону противника, чтобы ударить по руке с жезлом, прежде чем она пустит оружие в ход. Стрелок его не интересовал; в бою всплывают только умозаключения. Причины, по которым они принимались, вспоминаются намного позже.

И остановился, не ударив противника.

Тот стоял, прижимая ладонь к лицу, а другой направляя жезл куда-то вниз. Секунда и вторая лениво проползли мимо, но грабитель не двигался. Какие-то крики и скрежет доносились из коридора, но сейчас не до них.

Бревин поднимался медленно на ноги, с ужасом глядя на то, что произошло с нападающими. Краем глаза он заметил, как поднимается с пола Коллаис, чихая и отплёвываясь, с лицом, перекошенным от отвращения.

Кожа грабителя приобрела молочно-серый цвет, и вид материала не мог ввести юношу в заблуждение.

Камень.

Второй грабитель, тоже ставший статуей самому себе, стоял в нелепой позе, полупривстав и направляя арбалет туда, куда кинулся Бревин. Хорошо, что не успел выстрелить...

Бревин с сестрой обменялись взглядами и кинулись к сундуку, стараясь не прикасаться к ужасным статуям.

Руки Ользана по-прежнему сжимали крышку сундука, не давая ей сдвинуться с места. Внутри сундука была мгла. Полная, непроницаемая чернота, словно сундук был доверху залит смолой.

Бревин сделал шаг вперёд, заранее пугаясь того, что увидит.

Он увидел капельки пота, стекающие по белому, как бумага, лицу Ользана. Взялся за его кисти, судорожно вцепившиеся в крышку, но не смог их разжать.

– Помоги, – велел он сестре.

Та повиновалась, тоже бледнее снега.

Стараясь не прикасаться к «смоле», Бревин отвёл крышку назад, а Коллаис подхватила упавшего Ользана. Тот был в полном порядке. Едва Бревин плеснул ему в лицо водой из фляжки, он открыл глаза.

– Где... третий?... – прохрипел он и заметил, как Коллаис украдкой вытерла слезу. Бревин махнул рукой в коридор.

– Где-то... – начал он, но его слова прервал ужасный, отчаянный крик и отвратительный влажный хруст.

Бревин выругался и подхватил с пола свой меч.

– Коллаис, за мной! Олли, оставайся здесь, – он толкнул плечом окаменевшего стрелка, отчего тот упал на пол и развалился на куски с приглушённым скрежетом.

На бегу Коллаис извлекла медальон.

Он был чёрно-синий и пульсирующий холод вытекал из него.

* * *

Коллаис никогда не приходилось встречаться с нежитью лицом к лицу; хотя, разумеется, она много читала об этих порождениях тьмы и обучалась основным приёмам борьбы с ними.

Главными правилами были: побольше света и не прикасаться к ним руками. Нежить, даже та, что не владела магическим даром, разрушала всё живое одним своим приближением и неосторожность того, кто позволял чудовищу к себе приблизиться, могла стоить медленной и болезненной смерти несколько недель спустя.

Фигура, что стояла посреди растерзанных человеческих останков, внешностью напоминала человека, но подробно разглядеть её черты не позволяло скудное освещение, лившееся из-за спины. Возможно, это и к лучшему, подумала Коллаис, извлекая меч. Как назло, не посеребрённый... Говорят, что далеко не для всякой нежити серебро губительно, но резать *это* коротким мечом...

Как бы не оказалось, что они избежали лёгкой смерти, выбрав гораздо более неприятную...

Бревин тоже понял, что драться ему нечем. Поглощённые жезлом магические ресурсы не успели восстановиться за несколько ужасно длинных минут. Он произнёс заклинание, что

должно было обрушиться на противника обжигающую огненную стрелу, но только искорка сверкнула в темноте, рассеявшись безвредным облачком дыма.

– Кому-то надо прорваться за его спину, – шепнул Бревин, не сводя взгляда с фигуры. – Мне не улыбается сражаться с ним в узком коридоре. В случае чего, хватай Олли и выбирайся наружу.

– Иди ты... – фраза не была закончена, да этого и не требовалось. Бревин не выдержал и рассмеялся. Хриплый смех гулко раскатился по сводчатому помещению, и высокая фигура, отрезавшая им путь к солнцу, шевельнулась.

– Ну что же, – произнёс Бревин, не оборачиваясь. – Тогда не поминай лихом. – Держа меч наготове, он принялся медленно приближаться к неприятелю.

Фигура тут же оживилась и сделала шаг вперёд. Коллаис изумилась. Нежить описывали как шатающиеся, полуразложившиеся создания, неуклюжие и угловатые, а это двигалось быстро и изящно. Что за сила заставила пробудиться этот кошмар?

Она держала на ладони бутылочку с освящённой водой – может, она поможет им прожить на несколько секунд дольше.

Противников разделяло едва ли двадцать шагов и Бревин уже собирался с силами, чтобы броситься в атаку первым, когда позади них раздались быстрые шаги и голос Ользана, непривычно властный, рявкнул:

– На пол!

Его спутники кинулись наземь, не раздумывая; Бревин – так, чтобы можно было, поднимаясь, достать противника клинком; Коллаис – чтобы не разбить драгоценную бутылочку.

Они услышали глухой щелчок и красноватая вспышка озарила мрачную комнату. Истошный вой и раскат грома одновременно обрушились на их слух. Бревин увидел, как часть чудовища испарилась, рассеиваясь вокруг багровым туманом облаком, а всё остальное отнесло на несколько шагов назад.

Новый щелчок и новый взрыв. На этот раз противника разорвало надвое. Обе части упали на пол и Коллаис зажала ладонью рот, борясь с тошнотой.

Ользан ещё дважды выстрелил в останки нежити, обращая их в мелкий мусор и только потом с размаху уселся у холодной стены, аккуратно положив арбалет рядом. Его била дрожь.

Остальные двое неловко уселись рядом, переводя дыхание.

Очень долго все сидели и дышали, наслаждаясь тем, что живы. Затхлый воздух подземелья казался им чистым и животворным.

– Не думал, что это ремесло настолько захватывающее, – произнёс Бревин наконец и все рассмеялись. Было, правда, скорее страшно, чем смешно, но кому до этого дело!

* * *

Бревин долго рассматривал трофеи, которые они собрали с тел своих незадачливых конкурентов. Трофеев было немало и все они были какие-то странные. Жезл долго не вынимался из окаменевшей руки главаря; в конце концов шантирец со злостью пнул статую и та рассыпалась на куски, ударившись о стену.

– Ему ещё можно было вернуть человеческий облик, – тихо произнесла сестра за его спиной.

– Может, ты ещё плакать по нему будешь? – ответил зло её брат и поднял неожиданно тяжёлый жезл. Множество выпуклостей украшали его поверхность. Некоторые были сделаны из драгоценных камней; к ним молодой маг постарался не прикасаться.

– Неплохая экипировка, – произнёс он наконец. – Это ж не люди были, а целые армии. Ты посмотри, сколько на нём было колец, – он ткнул пальцем в блестящую россыпь. – Жезл... арбалет с полным комплектом разрывных стрел... сколько их ещё там, Олли?

– Шесть, – коротко ответил художник. Дрожь в руках всё не проходила.

– Если я не ошибаюсь, подобные стрелы запрещены к употреблению, – произнесла Коллаис после некоторого раздумья.

– Верно, – отозвался её брат, с интересом рассматривая угольно-чёрный наконечник стрелы. – Запрещены. Мне кажется, что нам неплохо бы повидать местные власти. Что-то тут нечисто. С таким снаряжением можно было и на дракона выйти.

– Сначала надо выйти отсюда, – возразил Ользан, поднимаясь на ноги. – И, кстати... Лаис, у тебя, кажется, была освящённая вода?

Девушка кивнула.

– Надо обработать останки. И человеческие... и... эти. Дай-ка бутылочку.

– Идём вместе, – Коллаис поднялась с колен и пристегнула меч к поясу. – Возьми арбалет на всякий случай.

– Бревин? – позвал Ользан шантирца, который сидел и самозабвенно вращал в руке жезл.

– А? – тот не сразу оторвался от новой игрушки.

– Обыщи пока комнату. Сундук не трогай, но всё остальное обыщи. Мы – первые посетители за долгое время.

* * *

Бревин услышал два глухих взрыва неподалёку; но криков о помощи не было слышно – следовательно, можно было не беспокоиться. И действительно, спустя ещё пять минут появилась его сестра вместе с Олли, оживлённо что-то обсуждая.

Всё это время шантирец клял себя за то, что согласился раскапывать эту пыль. Он успел надышаться ею на несколько лет вперёд. Однако улов был неплохим: несколько десятков старинных монет, два широких меча и кинжал в ножнах, завёрнутые в некогда плотную, а теперь рассыпающуюся от прикосновения ткань и великое количество разнообразного хлама.

Его сестра посмотрела на находки и покачала головой.

– С чем вы там сцепились? – спросил её брат, заходясь кашлем.

– Ещё одна такая штука, – махнула Коллаис рукой. – Помнишь те две двери? Как я и думала, это погребальные камеры. Могилы там, хвала богам, не разграблены, но в каждой камере было по пугалу. Теперь там чисто. Жаль, освящённой воды не осталось...

– Могилы, говоришь, не разграблены... – глаза Бревина блеснули. Ользан усмехнулся.

– И не мечтай, – сердито перебила его сестра. – А если соберёшься этим заниматься, то без меня. Тем более, что там в основном похоронены обычные солдаты и ничего путного тебе всё равно не найти.

– С чего ты взяла, что солдаты? – изумился шантирец. На вид этим руинам было несколько столетий. Откуда ей знать язык?

– Олли сказал, – объяснила Коллаис и указала рукой на художника.

Воцарилось молчание. Бревин ожесточённо отряхивал пыль со штанов, но тут же на них оседала новая.

– Чем больше я тебя знаю, тем сильнее боюсь, – объявил он, обращаясь к Ользану. – Слушай, сколько языков ты знаешь? Сначала этот сундук, теперь могилы... Ты вряд ли намного старше нас – тебе от силы лет двадцать пять...

– Двадцать шесть, – вставил Ользан.

– А ты уже и храмовый художник и языки все знаешь... Я тебя недооценивал, это точно.

– Не знаю, – пожал плечами Ользан. – Как-то всё само собой даётся. В особенности легко даётся, если не стремиться добиться этого во что бы то ни стало.

– Надо у тебя этому научиться, – Бревин критически осмотрел свои руки и вытер их об одежду. А то мне уже двадцать три, а я так и не научился осторожности. Надо же, попались, как дети малые...

– Олли, а что с сундуком? – Коллаис, присев, осторожно рассматривала рельеф. Он состоял из десятка переплетённых в разных сочетаниях фигурных элементов. Рельеф был, несомненно, сделан из чего-то с примесью меди: кое-где виднелись характерные зеленоватые пятна.

– Да, действительно, – Олли извлёк откуда-то из воздуха лист бумаги и, усевшись рядом, принялся перерисовывать очертания рельефа. Убедившись, что его не оторвать от этого занятия, Коллаис с Бревином сели сортировать свою добычу. У двух предметов – небольшой золотой монетки и богато украшенного кинжала – её медальон разгорелся по краям ярко-красным свечением и девушка велела не прикасаться к ним голыми руками.

– Что-то с ними не чисто, – пояснила она. – Я не знаю, что, и лучше оставить их, где лежат.

– Так я и думал, – проворчал Ользан за их спинами и, обернувшись, Коллаис увидала, что он стоит на коленях, сосредоточенно рассматривая узор.

– Что? – спросила она, придвигаясь поближе.

– Я не могу перевести в точности, – Ользан вытер пот со лба, сотавив на нём грязную полосу. – Достать отсюда что бы то ни было вряд ли удастся.

– А там есть что-нибудь? – поинтересовался Бревин, перекладывая мелкие предметы в небольшой мешок. – По виду, только пустота. И то, как ты говоришь, её лучше не трогать.

– Там может быть множество вещей, – пояснил художник, поднимаясь на ноги. – Но это... даже и не алтарь... трудно подобрать правильное слово. Здесь лежит то, что не должно достаться другим. Попытка достать отсюда что бы то ни было сопряжена с огромной опасностью.

– Да уж... – согласился Бревин, подходя поближе. – А жаль... Если там есть что-нибудь, я был бы не прочь достать это...

Крышка сундука, словно ожив, принялась медленно и бесшумно закрываться. Путешественники следили за ней зачарованно, пока Ользан не крикнул:

– Не дай ей закрыться!

Крышка уже не скользила, а падала, стремительно набирая силу и Бревин не придумал ничего умнее, как метнуть в щель ножны со своим мечом.

Раздался оглушительный звон и хруст.

Крышка тут же успокоилась и не сопротивлялась, когда Ользан откинул её назад.

Ножны скользнули внутрь «смолы» и исчезли в её глубине. Бревин кинулся было их подхватить, но вовремя одумался.

– Как видишь, надо следить за своими словами, – произнёс Ользан спокойно. – Этот сундук привык получать, а не отдавать.

– Отец бы меня высек за это, – мрачно признался шантирец, глядя в непроницаемую толщу «смолы». – У нас каждый меч был дороже золота. Не поймёшь что... не крышка, а что-то ужасное. Надо же, а я чуть было руку не подставил...

Ользан указал на переднюю часть сундука.

– Тут написано... «...отдай умершим... и не оставят они тебя своей мудростью».

Все трое замолчали, переглядываясь.

– Мудрость умерших, – поёжился Бревин. – Ну и ну! Нет, надо отсюда убираться. Меня не так легко испугать, но тебе это почти удалось.

– Похоже, я знаю, – Ользан достал из «кошелька» небольшую золотую монетку и аккуратно бросил в «смолу».

Коллаис ахнула.

Чёрная пелена растворилась и взору друзей открылась обширная комната, в центре которой возвышалась огромная гора разнообразных драгоценных изделий, оружия, каких-то загадочных предметов. Ножны Бревина лежали чуть сбоку. Было видно, что из них после падения выпал меч, разбитый на три фрагмента.

– Да-а-а... – прошептал Бревин. – Глазам своим не верю. Тут золота на несколько армий. – Он осёкся. – Интересно, в эту комнату никто не пытался подкопаться? Она должна быть прямо под нами.

– Сомневаюсь, – проронила Коллаис. – Судя по тому, что я вижу, под нами должна быть пустота. – Она постучала по полу. – Слышишь? Под нами нет пустот.

– Где же всё это лежит? – ошарашено спросил её брат, яростно взлохмачивая свои волосы. – Или нам это всё мерещится?

– Кто знает, – Ользан пожал плечами. – Не думаю, что нам стоит пытаться доставать всё это. Вспомни, что случилось с этими двумя, – он махнул рукой на то, что осталось от грабителей. – Хотя, конечно, искушение велико.

– Смотрите! – Коллаис указала вниз дрожащей рукой.

Из груды золотых и серебряных монет выглядывала подошва сапога. Судя по всему, изрядно потрёпанного.

– Пошли отсюда, – Коллаис поёжилась. Ользан молча закрыл крышку «сундука» (отчего защёлки на его стенках сами собой замкнулись) и они, не произнося более ни слова, покинули странное помещение.

Свет в комнате, струившийся прямо из стен, сам собой иссяк, когда люди ушли.

IX

Они сидели у костра, на полпути между склепом и Онндом. Глядя на окружавшие их холмы, Ользан лишний раз радовался, что власти Оннда запретили занимать чем бы то ни было земли ближе двадцати километров от столицы. Стояли и здесь когда-то дома, крепости и стены; эти камни слышали и похвалу, и проклятия. Теперь здесь не было людей; всё остальное мало-помалу вернулось.

– Что теперь? – спросил Ользан после того, как трапеза была закончена (арбалет второго стрелка был заряжен обычными стрелами и пришёлся очень кстати: кролики вокруг водились в изобилии).

Бревин, который лежал, пожёвывая травинку, приоткрыл глаза и взглянул в его сторону.

– Отдыхать, – отвечал он. – Мал я ещё ходить в подобные места. Да и могильники... – он кивнул в сторону Коллаис, – вон, разве ж она позволит могилы вскрывать?

– Не позволит, – отозвалась Коллаис равнодушным голосом. – И правильно, кстати, сделает.

Бревин хлопал ладонью по мешочку с добычей.

– За этот хлам мы больше пяти сотен монет не получим. Ну, понятно, за контракт добавят ещё тысячи три или четыре. Всё равно это ничего не решает.

– Почему? – спросил Ользан, глядя в костёр.

– Мне нужна армия, – объяснил шантирец. – Тысячи полторы, не меньше. У дяди было не менее тысячи, плюс на наше золото он теперь может нанять ещё несколько сотен. Но в Федерации мне эту армию собрать и обучить не дадут. У Федерации с Шантиром мир, видите ли.

Он приподнялся и плюнул в костёр.

– Поэтому денег мне нужно гораздо больше – нанимать сразу профессионалов, чтобы не тратить время на обучение. Собрать армию поблизости от Шантира – иначе это придётся делать или в Киншиаре, или на островах – а незамеченной она к Шантиру не подойдёт. Нет, силы надо собирать совсем рядом с Шантиром. Единственная надежда – что дядя поссорится с Ролданом, нашим соседом, и к тому можно будет обратиться за помощью. У Ролдана – лучшие воины в наших краях.

– А нужна ли армия? – спросил Ользан. – Может быть, стоит нанять несколько человек настоящих профессионалов? Опытный маг может стоять целой армии.

– Как же, – усмехнулся Бревин и уселся. – Маги, насколько я знаю их, поддерживают нейтралитет. Никогда не выступают от имени кого-то против кого-то. А почти все сильнейшие маги состоят в Совете Магов и будут придерживаться нейтралитета.

– Ну и кому они такие нужны? – спросила Коллаис презрительно. – Тоже мне – сильнейшие маги! В чём же их сила?

Бревин промолчал.

– Я думаю, что у магов в каждом городе забот хватает, – произнёс Ользан. – Кроме того, если опасность будет действительно сильной, маги вмешаются без промедления. Я слышал, такое было и в Оннде и в других городах. Да даже и не в городах.

Коллаис еще раз фыркнула, но промолчала.

– Подумай, Бревин, – повторил Ользан. – Далекое не все маги состоят в Совете и далеко не везде они придерживаются нейтралитета. Если не работает сила, надо применять хитрость. Кроме того, ты же сам маг.

– Да какой я маг, – махнул рукой юноша. – Так, семь заклинаний знаю. Всерьёз не тренировался. Хотя, конечно, это мысль. С ходу я Шантир не верну, так что подготовка в любом случае предстоит долгая.

Ночь быстро опускалась и где-то заухали совы. Искорки взмывали над костром, угадая далеко вверх и летучие мыши, проносящиеся поблизости, чертили на чернеющем небе немислимые спирали.

– Коллаис, а ты? – спросил Ользан.

– У меня есть, чем заниматься, – девушка задумчиво посмотрела в сторону океана. – Ну и учиться, конечно. Ты не сердись, Бревин, но здесь я себя хоть человеком почувствовала. Так что если не удастся нам вернуть Шантир сразу, и ладно.

– Ну уж нет, – твёрдо ответил её брат. – Я скорее сотру его с лица земли, чем оставлю моему милому родственнику. Ладно, хватит о грустном. Олли, ты вроде изучал историю этих мест? Откуда взялись такие странные склепы – вырубленные в скале?

Ользан устроился поудобнее и начал рассказывать.

* * *

Мир на Ралионе – явление частое, но долго почти никогда не длящееся. Цивилизация Островов быстро открыла мореплавание и вскоре обнаружила, что неосвоенных земель огромное количество. И лежат они сравнительно близко. Беда была в том, что ближайšie к Архипелагу части Большой земли уже были заселены дикими племенами (одним богам известно, как они туда добрались).

Переселенцы, отправившиеся в незапамятные времена искать лучшей жизни, не были новичками в военном деле, но им хотелось мира. Меньше сотни людей против многих тысяч воинственных соплеменников – нет, это было не по ним.

И начались поиски. Огибать континент с Севера было, казалось бы, проще – но ни один капитан так и не прислал вестей об участии своих пассажиров. Так что, когда основатели Оннда после многих месяцев странствий нашли удачно расположенный залив и удобное для поселения место, они сочли это даром свыше. Климат был жаркий, непривычный для жителей Островов, но зато они были свободны от непрерывных войн, что опустошали острова Архипелага, и сами могли решать свою судьбу.

Спустя тридцать лет на берегу океана выросла небольшая, но грозная крепость; Онндо-Моррон назвали её колонисты: Защитник Нового Города. Не раз и не два нападали на Оннд кочевники и пираты, но город выстоял и понемногу расширял свои владения.

В близлежащих горах нашлась железная руда – подлинное сокровище для жителей Островов; лес, пригодные для земледелия поля и прочие дары природы также имелись в изобилии. Очень скоро – всего через каких-нибудь двести лет – появилась Империя Оннд, успешно выдержавшая натиск всех грабителей – как морских, так и сухопутных. Она стала торговать с Островами – к тому моменту значительно ослабленными междоусобицами и Людям Оннда показалось, что на очереди – покорение остальной Большой Земли. К тому моменту три крупнейших племени, чаще всего беспокоившие первопоселенцев были либо перебиты либо рассеяны и ничто не могло противостоять десяти тысячам воинов, что могли в любой момент выступить в любую сторону.

Мираж собственной силы развеялся, едва Люди познакомились с другими расами Ралиона...

* * *

Ользан словно очнулся ото сна – рассказ увлёк его самого и только теперь он заметил, что шантирцы смотрят на него широко раскрытыми глазами и не издают ни звука.

– Что случилось? – спросил он удивлённо, отпив воды из фляги. Брат с сестрой переглянулись и Бревин потёр лоб.

– Ну ты даёшь... – воскликнул он восхищённо. – Где ты успел так его выучить?

– Что выучить? – не понял Ользан.

– Ты рассказывал на языке Шантира, – пояснила Коллаис, тоже поражённая. В глазах её читалось восхищение. – Причём на великолепном языке. У нас так не каждый менестрель сумеет рассказать. Тебя было приятно слушать.

Всё смешалось в голове у художника.

– Я... как-то не заметил, – ответил он сконфуженно. – Честное слово, я не знаю ни слова на вашем языке.

– Трудно поверить, – возразил шантирец и произнёс несколько слов на неизвестном Ользану языке, обращаясь к сестре. Та кивнула и что-то сказала в ответ. Теперь наступила очередь Ользана уставиться на них, раскрыв глаза.

– Не знаю, что и подумать, – заключил Бревин, подбрасывая в огонь толстую ветку. – Если бы я не знал тебя некоторое время, я решил бы, что ты притворяешься. Так ты действительно не понимаешь наш язык?.. Сейчас?..

– Ни слова, – честно признался Ользан. – Сам не знаю, как это получилось.

– В любом случае, было здорово, – заключила Коллаис. – Как много ты знаешь! Расскажешь что-нибудь ещё?

– Завтра, – заключил её брат. – Мы все устали, и Олли – больше всех. Давайте отдыхать. Никто не стал возражать.

* * *

– ... То есть эти склепы – дело рук не людей? – удивился Бревин. – Интересно, сколько же им тогда на самом деле лет?

– Кто знает, – ответил Ользан. – Несколько тысячелетий. Иногда меньше, иногда больше.

– Что-то я не поняла, – вставила Коллаис. – То есть они попросту заняли чужие склепы? Куда же они дели... их прежних обитателей?

– Выкинули, надо полагать, – пожал плечами Ользан. – Первые колонисты не всегда уважали чужие кладбища. Может быть, поэтому в старых склепах постоянно что-нибудь заводится...

Они приближались к западному входу в Оннд. Прежний – так называемый старый – город был, разумеется, защищён неприступной каменной стеной. Теперь же, за границами расширившегося города, путь преграждали достаточно символические таможи. Кольцо дозорных башен практически не оставляло шансов тому, кто попытался бы прокрасться в город незамеченным.

Когда Бревин показал контракт, а каждый из путников – свой медальон (у каждого жителя Федерации был отличительный знак, который можно было и купить, но за невероятно большую сумму), стражники пропустили их без дальнейших проволочек. Ользану показалось, что взгляды охранников были исполнены презрения.

– Они нас не очень-то жалуют, – отметила Коллаис, чью спину взгляды стражи жгли особенно долго.

– Я их тоже не очень-то жалую, – пренебрежительно отозвался её брат. – Разве ж это стража? Увальни, совершенно безрукие увальни. Вот муниципальная охрана – это, я вам скажу, охрана что надо. С ними обращаться стоит осторожно. А эти только и умеют, что блеск на свои железяки наводить.

Бревин оставил сестру и Ользана в своих обширных апартаментах и отправился получать вознаграждение. По его словам, это должно было занять не более получаса, но, как выяснилось, удовольствие протянулось до конца дня. Коллаис заказала деликатесов – в честь

успешно проведённого задания – и долго совещалась с хозяевами относительно обеда. Который им и пришлось съесть вдвоём. Остатки же она велела выбросить собакам.

– Нечего, – пояснила она осуждающе. – Если узнаю, что он шатался по злочным местам, ещё и без ужина останется.

Бревин появился уже после заката солнца, совершенно трезвый, но уставший сверх всякой меры.

– Нас всех завтра вызывают в магистрат, – объявил он торжествующим голосом, – им нужны подробности нашего путешествия. Мне показалось, что наши конкуренты, да упокоятся в мире, их интересовали больше, чем тот сундук, но...

– Чего ещё ты им рассказал? – недобро прищурилась его сестра. – Надеюсь, у тебя хватило ума не отдавать все трофеи? А то я уже слышала, как трудно потом их добыть. У вещей неожиданно находится хозяин, или же им приписывают «необычайную историческую ценность».

– Плохо же ты думаешь о здешних властях, – с раздражением отвечал Бревин, усаживаясь в кресло и с наслаждением вытягивая ноги. – Сообщаю, как факт, что мы разбогатели на двенадцать тысяч. Треть твоя, Олли, всё честно...

Отвечать на последующие вопросы он отказался и вскоре стены его комнаты уже сотрясал жизнерадостный храп.

История 3. Туман

Х

Никто не ожидал, что утром соберётся подобный туман.

Непроницаемо-молочная завеса опустилась поверх лагеря и отрезала его от окружающего мира. Археологи, среди которых был и Ользан, вынуждены были остаться в своих шатрах. Тишина, которую принёс с собой туман, была угнетающей. Ользан время от времени сглатывал, чтобы убедиться, что со слухом всё в порядке.

– Это надолго, – заметил Илитанна, Ольт из далёкого северного города Домлиарт, затерянного в глубинах огромного лесного массива. – Нам повезло, что предыдущие три дня были удачными.

– Интересно, что скажет наш друид? – заметил Верккласс, начальник экспедиции, задумчиво поглаживая бороду. Собственно экспедиция была необычайно мала: четверо археологов и три человека охраны. Времена были довольно спокойными, но почему-то считается, что археологи возвращаются с раскопок гружёные золотом и драгоценными камнями. Заблуждение, весьма прискорбное для представителей этой крайне мирной профессии...

Друид, о котором шла речь, стоял неподалёку, но из-за тумана не был виден. Его звали Охтанхи, и был он Карликом. Его важный вид не всегда сочетался с малым ростом, но Ользан давно уже отвык смеяться над теми, кто выделялся среди окружающих. Никогда не знаешь, на что можно нарваться.

– Скажу, что у вас будет два дня отдыха, – послышался голос, после чего обладатель его проявился из молочной пелены и помахал рукой. – Я пойду поброжу. Через час будем завтракать.

– Твоя очередь идти за водой, – со вздохом сообщил Верккласс, кивнув в сторону Ользана. – Если бы вы только знали, как мне хочется чего-нибудь мясного...

– Мясное мы уже съели, – заметил Илитанна. – Иди попроси друида, пусть приманит какую-нибудь живность.

– Он ещё издевается! – начальник покачал головой и вышел из палатки – разводить костёр. Дрова для него пришлось везти с собой по двум причинам: во-первых, здесь, в долине, все деревья можно было сосчитать по пальцам, а во вторых, с ними был друид.

– Что, он действительно запрещает охотиться? – спросил Ользан у Илитанны. Последний сидел у своего шатра и сосредоточенно чистил кисточкой глиняный черепок с ладонь размером, время от времени наклоняясь к бутылочке с клеем.

– Нет, когда дичи много, – ответил Илитанна, улыбнувшись краешком губ. – Здесь только на сурков охотиться, но Верккласс считает их несъедобными. – Он тихонько рассмеялся. – Экспедиции ему идут на пользу; всякий раз он возвращается стройным и загоревшим.

Вздыхнув, Ользан взял котелок и пошёл туда, где сквозь туман смутно виднелось солнце. Где-то там находился родник.

* * *

Прошло всего пять дней с момента, когда Ользан и шантирцы вернулись из своего совместного похода. Как полагается в подобных случаях, было множество официальных вопросов, масса бумаг и потерянного времени. Денег должно было хватить на месяц – обучение в

Оннде стоило недёшево – так что, когда Ользана вновь пригласили на раскопки, он с облегчением согласился.

Не то, чтобы совсем с облегчением: как ни крути, а Коллаис последнее время всё больше занимала его мысли. По глазам её юноша видел, что и он там лежит не на самом дне – что приводило его во всё большее смущение. Ему ещё никогда не приходилось ухаживать. Тем более, за княжеской дочерью. Пусть даже изгнанной.

Так что небольшое отвлечение, возможно, разгонит туман в его голове. Подумав это, Ользан усмехнулся. Туман вокруг клубился причудливыми сгустками, скрадывая очертания окружающего мира и принося с собой запах влажного камня. Да будет благословенно имя того, кто придумал компас! Без него можно было бы блуждать несколько часов, не отходя более чем на километр от лагеря, но так и не обнаружить его. Хорошо ещё, что поблизости нет крутых склонов.

Что-то хрустнуло под ногами. Ользан нагнулся; это был череп какого-то мелкого животного. Череп был, вероятно, очень старым; кости его стали тонкими, словно бумага и прикосновение башмака раздавило его, словно яичную скорлупу. Странно. Археолог наклонился и присмотрелся. Поблизости от разрушенного черепа лежали и другие кости. Также выбеленные временем, солнцем и ветром. Он прикоснулся к одной из костей. На пальце остался белый след.

Странно, думал Ользан, вытирая палец о штаны. Кости остались лежать нетронутыми. Никаких следов зубов, все совершенно целые – исключая, конечно, пострадавший череп. С чего бы это? В долине жило множество мелких животных и птиц. Неужели никому не захотелось пожить?

Источник находился метрах в семистах от лагеря – у группы небольших скал. В долину было три пути; северный перевал был самым трудным. Ветер, постоянные снегопады, пропасти. Следуя на север, можно было пересечь хребет и выйти к руинам Шести Башен – то есть, оказаться практически в центре материка. Проще, правда, сказать, чем сделать: по прямой перевал, пересекая по пути ещё три долины, тянулся километров на сто.

Один из других путей вёл на восток – сложный и опасный спуск в низину, где приходилось следовать изгибам Монгеллы (Бурной), реки, действительно оправдывавшей своё название. Третий путь, которым они пришли, вёл с юга. Самый безопасный, там практически нигде жизни путешественников не угрожали ни лавины, ни камнепады, ни иные бедствия.

Ользан аккуратно зачерпнул воду – источник представлял собой небольшое озерцо, заполнявшее вырубленное в камне углубление и отпил немного. Действительно, хороша... Говорят, вода из этого источника лечит немало недугов, но быстро теряет свои свойства. Ользан налил немного воды в ладонь и плеснул себе в лицо. Чудесно. Остатки сна мигом слетели с него.

Спустя пять минут обе ведёрные фляги были наполнены и можно было возвращаться. Ользан сделал несколько шагов и внезапно остановился. Как и прежде, ощущение пришло неожиданно. Он поставил фляги наземь и оглянулся. Уже с расстояния в несколько шагов скалы выглядели призрачно и даже немного зловеще. Воображение здесь только вредит, подумал Ользан, присматриваясь к возвышающимся буроватым силуэтам. Похоже на присевшего напиться исполина. Что-то друид говорил о том, как арраты называли этот источник... как-то забавно. Ладно, потом вспомню. Что особенного в этих скалах?

Ользан сделал шаг вперёд, присмотрелся... отошёл левее, затем правее. Как и в случае хитроумно скрытого прохода в могильник, имело значение, откуда и куда смотреть. После нескольких секунд он неожиданно увидел надпись.

Как в картинках для детей, что часто использовались потехи ради на всевозможных праздниках, очертания, однажды увиденные, уже не сливались с фоном. Оставалось только сказать: «как же я раньше этого не увидел!» Было немного непонятно, чем сделана над-

пись. Буквы были, несомненно, арратскими – в написании на Тален надпись звучала бы как «YRA..GHIO..STOVA». *Stova*, вспомнил Ользан беседы с историками, означает что-то вроде «покоя». Нескольких букв, несомненно, недоставало и в целом фраза не подлежала переводу. Следующее действие он сделал автоматически: извлёк из «кошелек» походную книгу и карандаш и, как можно точнее, срисовал символы. Интуиция ему подсказывала, что вреда от этого быть не должно. Есть, конечно, надписи, простой взгляд на которые приводит к неожиданным последствиям, но...

Но его там уже ждут не дождутся, чтобы приготовить традиционную утреннюю кашу. Ользан вздохнул и побрёл обратно. Идти с грузом оказалось несколько сложнее, даром что дорога вела под уклон.

* * *

– Суслик какой-нибудь, – предположил Верккласс, когда Ользан описал необычную находку. – Их здесь полно. Только... кости, говоришь, не прокушены и лежат рядом? Странно... Впрочем, может он больной был...

– Больные или раненые обычно в норы прячутся, – заметил Илитанна. – Так, по крайней мере мне всегда казалось. Так-так... Ну что, командир, как тебе это?

Ольт держал в руках вазу, которую собирал из осколков целых три дня. Как он находил недостающие фрагменты, никому было не ведомо. Ользан подозревал, что без магии тут не обошлось.

Ваза действительно производила впечатление. Невозможно было поверить, что этой вещице десять тысяч лет. Сложный узор – вязь букв, картины, геометрическая символика – испещрял вазу сверху донизу. Все затаили дыхание.

– Великолепно, – произнёс, наконец, Верккласс. – Ты гений, Илитанна. Ни у кого ещё не было целого узора. Зададим мы работёнку нашим друзьям в Музее...

Илитанна улыбался, вид у него был немного смущённый.

– Можно её взять? – спросил Ользан, после того, как Верккласс «записал» образ вазы на *килиан* и спрятал шарик в карман.

– Можно, – кивнул ольт. – Только аккуратно, горлышко ещё не совсем высохло.

Ользан взял сосуд в ладони и бесконечно осторожно принялся поворачивать, следуя изгибам надписи. Познания его были всё ещё малы: ни одно слово на вазе не было знакомо. Хотя... может быть, это тайный язык? Существуют же арратские надписи, никем не переведённые. Картины, изображённые на вазе, несомненно, носили культовый характер. По атрибутам Ользан узнал Элиора, ниспосылающего молнии и огонь на какое-то загадочное чудовище; Эзоксу, отправляющего правосудие и ещё какого-то бога. Картинок было девять, все они были мелкие и из-за состояния вазы большинство деталей было неразличимо.

– Что это за божество? – спросил Ользан у Илитанны. – Не могу узнать. Кажется, бог плодородия или чего-то в таком духе...

Илитанна пожал плечами.

– Узнаем позже, – ответил он, рассматривая изображение. – Империя арратов была велика и они собрали великое множество местных культов. Кто-то из божеств плодородия, несомненно. Впрочем, я могу и ошибаться.

– Интересно, что случилось с их империей? – спросил Ользан. Вопрос этот давно его беспокоил. Считалось, что арратов вырезали кочевники, которые постепенно двигались на юго-восток в поисках новой добычи. Однако, те же самые учёные утверждали, что из народов, обитавших здесь до Колонизации (имелось в виду, Людьюми), арраты были самыми могущественными. Эти два высказывания плохо сочетались.

– Стечение обстоятельств, – ответил Охтанхи, который давно уже следил за разговором. Все знали о его умении двигаться бесшумно, но всякий раз Ользан вздрагивал, обнаружив карлика у себя за спиной. – Несчастное для них стечение обстоятельств. Болезни, неурожай, возможно – гнев богов. Варварам просто повезло, что арраты уже боролись со множеством проблем. Просто стечение обстоятельств.

– Тебе-то откуда это известно? – спросил Верккласс, поджимая губы. – Прежде ты ничего подобного не говорил.

Друид пожал плечами и уселся рядом. В шатре сразу стало тесно. Карлик осторожно взял вазу и долго, сосредоточенно её разглядывал.

– У нас в селении остались отдалённые потомки арратов, – объявил он. – За тысячи лет они, конечно, многое забыли; кое-что, вероятно, сочинили сами. Но понять всё же можно. То, что мы откапываем, подтверждает их слова. Всё указывает на то, что их империя была сильной, самодостаточной и могла бы существовать ещё очень долго. Но... неожиданно всё рухнуло. Никто не знает, почему.

* * *

Он поставил вазу на место и долго смотрел на причудливое переплетение дуг, углов и линий.

– Заклинания, – вздохнул он. – Арраты знали весьма своеобразную магию. Вот, на этой вазе, тоже нанесено заклинание. Но пока неизвестен язык, нам не узнать, что это было. Варвары и есть варвары – всё, что им было не нужно, перебили, переплавили, изуродовали.

Он вздохнул.

Все молчали, погружённые мысли. Охтанхи неожиданно для всех поднялся и молча направился прочь.

– Верккласс, – отозвался карлик, остановившись у выхода. – Ты, кажется, мечтаешь о мясных блюдах? На южном склоне сейчас пасётся стадо оленей. Иди, попробуй счастья. Только предупреждаю, детёнышей не трогать.

– Чудо, – ошеломлённо прошептал Верккласс, лихорадочно роясь в мешке с вещами в поисках тетивы. – Ты смотри, Илитанна, как на него ваза подействовала. Пожелайте мне удачи! – крикнул он уже на бегу. Ользан покачал головой.

– Так он всю дичь распугает... Интересно, кстати, как он собирается охотиться в таком тумане?

– Туман держится только в долине, – ответил ольт, потягиваясь. – Пойду-ка я подышу воздухом. Если у тебя нет других планов, поможешь мне вечером с переводом. Идёт?

Ользан кивнул.

Оставшись один, он долго смотрел на вазу. Заклинание, сказал друид. А зачем было наносить его на сосуд? Стойте... Как это карлик это узнал? Ользан прикоснулся к глине ещё раз. После нескольких лет общения с магами он научился отличать магические предметы по ощущению. Не нужно было умение видеть ауры, достаточно было просто прикоснуться рукой.

Ваза не отвечала на прикосновение ладони. Кроме того, вспомнил Ользан, известные сейчас заклинания «спадают» с предмета, на котором закреплены, если предмет серьёзно повреждается.

Неужели заклинание – это деталь орнамента?

Он долго вращал вазу в руках, стараясь уловить что-нибудь, ощутить скрытую в рисунке гармонию, но разум оставался глух. Возможно, позже. Ользан осторожно поместил изделие в свободный ящик для экспонатов и, выходя, застегнул вход в шатёр. Влажность не пойдёт на пользу находкам.

XI

Ользан не сразу нашёл друида. Тот сидел под низеньким деревцем, у северно-восточного края долины и молча смотрел вдаль, скрестив руки на груди. Судя по всему, карлик не был занят: он кивнул Ользану и жестом предложил присесть. Юноше было немного не по себе: привыкнуть к манерам Охтанхи было нелегко.

– Ты что-то хотел спросить? – произнёс карлик после долгой паузы. Место, где они сидели, слегка возвышалось над центром долины. Туман стелился у самых их ног и вся долина напоминала пирог, украшенный горой взбитых сливок. Ветра практически не было, и белый «крем» клубился и перемещался по своим собственным законам.

– Хотел, – согласился Ользан. Почему-то на него всегда накатывала робость, когда он говорил с магами разного рода. С чего бы это? – Почему вы не хотите просто разогнать туман? Вы же могли бы это сделать?

Карлик взглянул на него с любопытством. Возраст его можно было оценить лишь по жидкой бороде – у Карликов растительность на лице была крайне скудна. На «человеческий» взгляд Охтанхи было лет тридцать пять-сорок, но Ользан смутно догадывался, что на деле тот гораздо старше.

– Мог, – кивнул он. – И не я один. Илитанна тоже мог. Воззвать к Элиору и попросить очистить небо. Пустыковая просьба, не правда ли? Да и Верккласс на это способен. Почему же ты спрашиваешь меня?

Ты же не спрашивал их, подразумевалось в ответе. У Ользана мгновенно вспотел лоб. Так что, Верккласс тоже практикует магию? Кто бы мог подумать! Ни словом никогда не обмолвился.

– Мне показалось, что они многого не делают, потому, что... вы...

– Потому, что я стал бы возражать? – закончил друид за него. – Возможно. Кстати, обращай ко мне на «ты». В нашем языке множество обращений, и «вы» – неудачное слово. На мой взгляд.

На Тален – который стал фактически родным языком для Людей южной части Континента – карлик говорил безукоризненно. По употреблению некоторых слов могло создаться впечатление, что он, как и сам Ользан – с востока. Разумеется, это было не так.

– А почему я не вмешиваюсь... – карлик вздохнул. – Ты, наверное, уже сотню раз слышал слова о Равновесии. – Охтанхи выделил голосом слово, – о борьбе Добра и Зла... Слышал?

– Не раз.

– И что думаешь?

Ользан пожал плечами. Ему хотелось сказать, что все эти идеи о непрекращающемся противостоянии сил вселенского размаха – попросту сказочка для детей. Для самых маленьких.

Карлик прочёл всё это на его лице.

– Ясно, – он улыбнулся. – Ты верно подумал, в большинстве случаев об этом говорят люди, представления не имеющие о действительном положении вещей. Часто так говорят просто, чтобы оправдать своё бездействие. Или скрыть незнание. Я мог бы рассказать тебе о Равновесии – в моём понимании – но это долгая история. Как-нибудь в другой раз...

Охтанхи сегодня был необычайно разговорчив, что также немало поразило Ользана. Обычно он молчал, если только не участвовал в очередных раскопках, просеивании и прочих археологических священнодействиях.

– Так что я отвечу так: не стоит делать большое, если можно обойтись малым. Кстати, спроси Илитанну. Я уверен, что он скажет примерно то же самое. Если доведётся, я позна-

комлю тебя с Рольвидой – она у нас лучший специалист по Равновесию. Единственная в своём роде. Успела пожить среди почти всех рас нашего мира и собрала любопытную коллекцию взглядов на эту тему... Что-то я отвлекаюсь, – карлик пошевелил пальцами и туман под его ногами взметнул вверх тонкий белый рукав. Он сгустился, изменил очертания и превратился в низенького толстого зайца, потешно шествующего по земле.

Ользан долго старался сохранять серьёзность, но в итоге расхохотался. Охтанхи движением кисти «отпустил» зайца и фигурка последнего скрылась в глубине молочно-белой стены.

– Трудно сразу понять, – Ользан отсмеялся и вытер глаза ладонью. – Один из моих друзей говорит, что, скорее всего, маги попросту не хотят признаться, что большинство их «заклинаний» – чушь.

– Бывает и так, – согласился Охтанхи, рассеянно глядя перед собой. – Везде бывают шарлатаны, что уж тут поделывать. А в нашем случае – проще подождать. К тому же я не уверен, что, призывая внешние силы, мы не потревожим здесь что-нибудь неприятное.

Услышь Ользан подобное от одного из базарных «чародеев» – ловких фокусников, как правило, или магов-недоучек – он только усмехнулся бы. Карлик говорил же совершенно серьёзно, но не напуская на себя важного вида. С тем же выражением лица он говорил и всерьёз, и в шутку.

Оба замолчали. Солнце уже перевалило верхнюю точку своей небесной дуги и постепенно двигалось к закату. Сквозь толстый слой облаков был виден лишь размытый по краям неровный жёлтый диск.

– На стене у источника я заметил надпись, – Ользан извлёк свою тетрадь и показал Охтанхи. Тот с интересом принялся рассматривать линии. – Что они означают?

– Любопытно, любопытно... – бормотал Охтанхи, не слыша вопроса. – А ведь раньше я этого не замечал. Ты наблюдателен, коллега! Как тебе удалось её найти?

Ользан рассказал.

Карлик покачал головой.

– Надпись, несомненно, сделана на культовом языке, – пояснил он. – Несколько букв не хватает. Надо будет вернуться в лагерь и поискать в моих записях. Сколько тебе лет?

Вопрос был совершенно неожиданным.

– Двадцать... шесть, – ответил Ользан, неожиданно для самого себя запнувшись.

Карлик посмотрел ему в глаза и Ользан выдержал взгляд. Хотя было нелегко.

– Тебе очень быстро всё даётся, – покачал он головой. – С одной стороны, боги милостивы – надо радоваться. С другой стороны...

Он замолчал, не закончив фразы.

– Что с другой стороны? – спросил Ользан, больше из любопытства.

– У нас есть поговорка, – ответил, наконец, Охтанхи. – «Чем ночь темнее, тем дороже свеча». Опасайся неудач, Ользан, если их у тебя не было, и готовься всегда к самому худшему. Я знаю, что говорю. Когда-то я считал себя самым умным среди сверстников, а после того, как не справился с экзаменом, целый год считал, что жизнь кончена. Впрочем, я сегодня разговорчив не в меру. Мне хотелось бы посидеть одному, – добавил он почти извиняющимся тоном.

Ользан, кивнув, поднялся на ноги и пошёл в южном направлении. Нет, всё же чем умнее человек, тем труднее с ним общаться. По пути он поводил пальцами в воздухе, подражая, как мог, жестам карлика. Разумеется, туман и не думал повиноваться.

* * *

Веркласса Ользан увидел сразу. Он что-то соорудил, спустившись всего метров на сто ниже южного гребня долины. Неподалёку лежала туша оленя. Помочь ему, что ли, подумал юноша и спустился вниз.

Бородач приветствовал его взмахом окровавленной руки.

– Отличная добыча, – улыбнулся он, принимаясь свежевать оленя. – Жаль, ты не видел, какой это был выстрел. Хоть я и не стрелял уже месяца три...

– Обучался стрельбе? – спросил Ользан, наблюдая за процессом не без отвращения. Он тоже мог бы справиться с такой работой, но никогда её не любил.

– Приятель, я был чемпионом Западного побережья три года подряд. – Веркласс вытер пот со лба тыльной стороной ладони. – Среди людей, конечно. Вон, посмотри. – Он мотнул головой в сторону. – Отличная вещица. Никогда с ней не расстаюсь.

В двух шагах от него, аккуратно прислонённый к груде камней, лежал составной лук – подлинное произведение искусства. Тетива была ослаблена и лук более походил на причудливый посох с канавкой посередине. Он казался деревянным – причём дерево было далеко не самое обычное – и хрупким. Тонкие железные пластинки, тщательно пригнанные и позволяющие выдерживать самые невероятные напряжения, были почти неразличимы. Игрушка и игрушка.

– Ольгийский? – спросил Ользан, присев перед оружием и рассматривая его внимательнее.

– Нет, – отозвался владелец лука, не оборачиваясь. – Да ты возьми, посмотри. Только осторожно, это опасная игрушка.

Лук оказался гораздо тяжелее, чем могло бы показаться издали. Дерево по твёрдости не уступало камню и действительно походило на тускло блестящий серовато-чёрный мрамор. Ользан осторожно потянул за тетиву и лук на какой-то миг стал луком – бесшумно приняв нужную форму. Юноша отпустил тетиву и с едва слышным скрипом лук вновь превратился в посох. Юноша надавил на «посох» сверху и тот неожиданно со щелчком сложился вдвое – теперь он прекрасно помещался в любой сумке. Предоставленный самому себе, лук вновь «вытянулся» во всю длину.

Рядом с кожаной оплёткой для руки шла едва заметная надпись.

– Зальол, – прочёл Ользан и почесал затылок. – Странное имя.

– Ага, – согласился Веркласс и сел на камень, чтобы передохнуть. – Говорят, он из варваров, с одного из островков Архипелага. По части луков он просто чародей.

– Действительно, – от лука было невозможно отвести взгляд. – Хотя зрелище всё же жуткое.

– Оружие должно быть красивым, – ответил Веркласс. – Тогда это как-то оправдывает его употребление.

– Да ты философ, – усмехнулся Ользан. – Что ты собираешься делать с ним дальше? – кивок в сторону оленя. – Мы не успеем съесть его всего.

– Часть зажарим, часть закоптим. Вот, кстати, для тебя работёнка. Вырой-ка мне во-он там яму. Раз уж нам устроили выходные, займёмся кулинарией. – И Веркласс подробно объяснил, что и как нужно сделать. Работы оказалось чрезвычайно много. Жаловаться, впрочем, смысла не имело: тем, кто не блещет способностями, нечасто достаётся самое интересное. Надо бы самому обучиться, думал Ользан, то поднимаясь за водой, то перетаскивая потроха подалее в лес, то срезая ветви по указаниям Веркласса. Через полтора часа он изрядно устал.

– Отлично, коллега, – похвалил Верккласс и принялся сооружать какую-то сложную конструкцию над ямой для углей, что живо напомнило юноше сказки о чудаковатых алхимиках, которые ему доводилось слышать в детстве. Само копчение, как выяснилось, было занятием изрядно благовонным и Ользан успел пожалеть, что был в своей любимой куртке. Сколько, интересно, раз придётся отдавать её в стирку, чтобы избавиться от запаха?..

Впрочем, больше всего доставалось самому Веркклассу, который священнодействовал, время от времени скрываясь в тяжёлых клубах дыма целиком.

– Фу, – выдохнул он, усаживаясь рядом с Ользаном. – Аж горло дерёт. Жалко, конечно, что приправ не захватил. Так всегда...

– Интересно, Охтанхи станет это есть? – спросил Ользан, глядя на испускающую жар и дым коптильню. – Он, кажется, весьма разборчив в еде.

– Друид? – Верккласс рассмелся. – Скоро ты увидишь, что перед доброй оленьиной с пивом ни один друид не устоит.

– У тебя и пиво припасено? – не поверил своим ушам художник. – Вот это да!

– Припасено, – загадочным тоном ответил ему бородач. – Скажи ещё, что это не подвиг!

* * *

День, начинавшийся с безделья и скуки, завершился невероятным пиршеством. Выбор блюд был несколько ограничен, но зато какие это были блюда! Лучник оказался прав: карлик поглощал оленьину с пивом за троих и впервые Ользан увидел на его лице выражение самого обычного удовольствия. Бочонок с пивом пустел катастрофически быстро и настал момент, когда Верккласс, озабоченно нахмурившись, не смог извлечь из него ни капли. Охране – трём рослым стражникам, что до похода занимались в основном патрулированием улиц – тоже досталось и того и другого. Угощение стёрло с их лиц скуку, которая становилась тем сильнее, чем дольше они сидели в долине.

– Где ты его прятал? – спросил Илитанна, кивая на бочонок. – Не в кармане же!

– Где и он, – Верккласс мотнул головой в сторону Ользана и похлопал себя по боку. Ользан успел разглядеть висящий у того на поясе «кошелёк». – Жаль, двух не взял... Впрочем, мы тут уже всё осмотрели... Не так ли, Охтанхи?

Карлик долго молчал, добродушно улыбаясь в пустоту, прежде чем ответил.

– Мы, похоже, не нашли того, за чем шли, но больше мне на ум ничего не приходит. Если через два – он взглянул на небо – три дня, – поправился карлик, – мы не обнаружив входа в гробницу, можно будет уходить с чистой совестью.

– Так здесь есть гробница! – воскликнул Ользан, усаживаясь поудобнее. – Раньше вы о ней не говорили.

– Слухи, – поморщился Верккласс. – Только слухи. Долина, конечно, с причудами, но ничего, кроме легенд, о существовании гробницы не говорит. Мы не знаем, где она, кто в ней погребён, – никаких следов. Не раскапывать же, в самом деле, всё подряд. На это и жизни не хватит.

– Мне что-то показалось странным посередине долины – там, где растёт деревце, – добавил Охтанхи, – но ничего, кроме странных ощущений, там не было. Должно быть, цель очень умело замаскирована.

Остаток дня они болтали о всякой всячине; только к вечеру, когда желудок перестал отягощать разум, все вспомнили, зачем они сюда прибыли, и занялись отвратительно рутинной работой, из которой в основном и состоит ремесло археолога.

* * *

– Будь оно неладно, – высказался Верккласс и мрачно смахнул листы бумаги с колен. Остальные не повернули голову в его сторону, занятые своим делом. – Какое-то наваждение. Всякий раз одно слово оказывается лишним. – Он указал на орнамент, по которому струились сплетённые чёрной вязью буквы. – Кто-нибудь, скажите мне, что происходит.

Все по очереди взглянули на лист бумаги, на котором буквы арратов были изображены привычными буквами Среднего языка. На всякий случай начальник экспедиции сделал также вариант на Верхнем языке.

– *Cuiram ah'da larghe...* – прочёл, запинаясь, Ользан. – Э-э-э... по-моему, это стандартное вступление: «волей... э-э-э... духов и предков...»

– Богов и предков, – поправил Охтанхи. – Ну-ка, дайте-ка...

Ему передали лист и несколько минут карлик хмурился, морщил лоб, но и у него на лице постепенно проступило то же выражение, которое только что было на лице у Веркклассса. – Что за странность... Действительно, одно из слов явно лишнее, а удалишь любое – получится нелепица. Кто-нибудь видел такие надписи раньше?

Как выяснилось, никто не видел.

– Может быть, важен порядок, в котором читаются буквы? – спросил Илитанна, поразмыслив. – Я видел арратские надписи с подобным фокусом. Пока не обратишь внимание на манеру, в которой написаны слова, ничего невозможно понять.

– Верно! – воскликнул Верккласс и вновь взял вазу в руки. Орнамент огибал картинки, но поверх него самого не располагалось ничто. Ни дополнительных значков, ни единого намёка. После лучника вазой завладел Ользан и принялся рассматривать её поверхность через увеличительное стекло. Верккласс же, вздохнув, принялся за более простые вещи: у них была масса осколков некогда большой и массивной плиты, надписи на которой были гораздо разборчивее. В том случае, конечно, если удастся правильно собрать из осколков саму плиту. Илитанна прилежно занимался этой кропотливой работой и теперь к нему присоединился его начальник.

Ользан напряжённо размышлял. Что находится поблизости от орнамента? Выступающие части миниатюр. Так-так... здесь кончик посоха... здесь угол здания... гребень чудовища... Юноша переносил орнамент на бумагу, указывая то, что было поблизости. Спустя полчаса работа была закончена. Что-то ещё привлекало его внимание. Ага, выступающие детали геометрического орнамента. Вот здесь и здесь они слегка касаются полосы букв.

– Слушай, – позвал он Веркклассса. Тот неохотно оторвался от игры «собери дом из миллиона осколков» и взглянул в сторону Ользана, всё ещё сжимая пинцетом кусочек камня. – А?

– Смотри, – художник указал ему на вазу и на свои наброски (к слову сказать, очень точные). – Видишь? Все части остальных изображений касаются букв вот таким начертанием. – Ользан нарисовал – что-то вроде запятой. – Может это что-то значить?

На помощь позвали друида. Тот некоторое время смотрел на закорючку и, наконец, буркнул: – Не знаю, не знаю... Очень неточное воспроизведение. Хотя... – он взглянул в небо, которое быстро темнело с каждой минутой – хотя... Так... Это может быть знак «*Foa*»... То есть «ветер, вихрь, порыв»... Или «*Veī*» – «упадок, разрушение, недостаток».

Ользан с Верккласссом озадаченно посмотрели друг на друга.

– Может быть, надо вычеркнуть буквы, на которые они указывают? – предположил художник. Верккласс долго думал, прежде чем ответить.

– Не думаю... слишком просто. Попробовать, конечно, можно. Ну-ка... – спустя несколько минут была готова новая, укороченная надпись, на которую все смотрели с ещё

большим недоумением. – Ну это совсем тарабарщина! – махнул рукой Верккласс. – Тут если слова внятные попадают, то случайно. Нет, это явно шифр. Без помощи специалистов тут не справиться. Посмотрю, конечно, в словаре, но...

– Как это должно читаться? – бормотал про себя Ользан, рассматривая непрерывный поток букв. – Жалко, что они не отделяли одно слово от другого. «*Curam anha larhea...*»

Слова неожиданно полились сами собой, стройно и даже отчасти музыкально. Ользан продолжал, увлечённый чтением бессмысленного набора букв. Все, однако, немедленно прекратили делать то, чем занимались и изумлённо уставились на юношу. Друид, часто моргая, прислушивался к чему-то и вдруг крикнул:

– Прекрати!

– Э-э-э... – Ользан несколько сбился от его выкрика, но всё же прочёл завершение. –

Taulenh gior nalar.

Тут же прекратил дуть ветер.

В облаках над головами сидящих появился просвет и звёзды холодно глянули на них.

Земля задрожала под ногами и Верккласс вскочил на ноги, озираясь.

– Сидите тихо, – велел ему карлик, вслушиваясь во что-то, слышное ему одному. Постепенно дрожь под ногами затихла и тучи затянули образовавшийся прорыв.

Долгое время все не могли прийти в себя.

– Ты ж говорил, что надпись не магическая, – произнёс, наконец, Верккласс и налил себе воды в кружку. Руки у него сильно дрожали.

– Говорил, – хмуро подтвердил друид и отобрал у притихшего Ользана лист с надписью. – Кто бы мог подумать... Впредь надо осторожнее обращаться с подобными вещами. Ользан, ты, конечно, молодец, но давай не будем больше экспериментировать.

– Давай, – согласился юноша. У него тоже дрожали руки и мурашки бегали по спине. – Наверное, надо было прочесть задом наперёд.

– Ну уж нет, – решительно возразил Охтанхи. – Пусть сначала посмотрят специалисты. Раз уж тут никто не распознал магию... Верккласс, сделай одолжение, вскипяти чай. Что-то мне не по себе.

– Хорошая идея, – отозвался бородач, стуча зубами. – Мне тоже. Вот напасть, чуть не влипли.

Прошло довольно долго времени, прежде чем Ользан решился вновь заговорить.

– Кто-нибудь находил подобные вещи?

– В Киннере есть торговец старинными вещами, – неожиданно отозвался Илитанна, – я видел у него золотую пластинку с арратскими надписями. Тоже, кстати, с орнаментом и совершенно бессмысленную на взгляд.

Все обменялись тревожными взглядами.

– Он просил за неё целое состояние, – пояснил ольт, – и никто не мог позволить себе её купить. Да и потом непонятно – может, подделка?

– Если ничего за ночь не случится, – подвёл итоги карлик, – завтра сворачиваем лагерь. Очень странная находка, и вряд ли она здесь оставлена случайно. Илитанна, расскажи мне поподробнее о той киннеровской пластинке. Всё, что знаешь. По-моему, нужно добыть её как можно скорее.

Илитанна кивнул. Ользан поёжился и вышел наружу. Неподальёку, всё ещё стуча зубами, Верккласс заканчивал разводить костёр. Вечер был тёплым, и туман почти полностью разошёлся.

* * *

– Чего это он делает? – спросил Ользан, глядя на едва различимый в темноте силуэт карлика.

– С кем-то разговаривает, – пояснил, бросив короткий взгляд, Верккласс. Чай быстро привёл всех в норму и неприятный озноб прошёл. Верккласс даже попросил друида проверить – не случилось ли чего с ними, но друид ответил немедленно: «нет».

«Но могло бы случиться», поняли все. После чего карлик оставил кружку с чаем нетронутой и ушёл немного в сторонку. И замер, глядя в пространство и скрестив руки на груди.

– Я думал, что дальняя связь не работает, – удивился Ользан. Телепортация между крупными городами континента оказалась ненадёжной и опасной – не зря нынешнее время называли Сумерками – и многие другие заклинания также отчасти потеряли силу. Маги утверждали, что это временное явление, но приятного было мало. Предыдущие Сумерки – правда, легендарные – длились около двух веков. Как бы не повторилась прежняя история!

– Друидов это почти не коснулось, – вступил в разговор Илитанна, который по-прежнему усердно собирал каменную плиту. Ещё несколько часов – и реконструкция будет в основном завершена. – Правда, сам я не знаю... В общем, он прав. Мы тут за один день совершили несколько открытий – точнее, это ты, Ользан, совершил. Потрясающая наблюдательность.

– Да ладно, – Ользан немного смутился.

– И видно, что непонятного здесь слишком много. Никогда ещё не видал магию, которая бы переживала тех, кто её употреблял.

Воцарилось молчание.

– А может быть, не пережила? – спросил неожиданно Верккласс и озадаченно посмотрел на вазу – так, словно в ней затаилась ядовитая змея.

Никто ему не ответил.

XII

Он передвигался осторожно, мелкими шагами, и мир вокруг почему-то чудовищно вырос. Или это он сам уменьшился? Всё выглядело несколько неестественно и Ользан начал было удивляться, не стряслось ли с ним чего-нибудь, вопреки заверениям друида.

Ему почему-то не спалось. Охрана бдительно сторожила лагерь, и часовой предупредил только, чтобы тот не удалялся из зоны видимости. Правда, при фосфоресцирующем небе и кажущемся спокойствии опасаться было вроде бы некого.

...Ользан не заметил, когда у него начались искажения восприятия – и не сразу осознал, что это может быть опасным. Он продолжал идти (теперь каждый шаг требовал почему-то других усилий, да и перемещаться окружающий мир стал по-другому), не придавая первоначально изменениям никакого значения.

Разум, тем не менее, пробился сквозь корку беззаботности, что постепенно покрывала его всего. Ему не хотелось думать об опасности, ведь чутьё...

(чутьё??)

...говорило ему, что всё в порядке. Где-то рядом находится его нора...

(нора???)

... и вскоре он будет в безопасности. Тут-то его разум и взбунтовался. Немедленно назад, подумал Ользан отчаянно, но тело продолжало бесцельно перемещаться по гладким камням, не обращая внимания на приказы. Тени нависли вокруг него; раскаты грома (почему-то он знал, что это – чужая речь) оглушали его и мертвенные вспышки света, что падали на него откуда-то сверху, обессилили всё его существо. Тёмный и бесформенный гигантский силуэт склонился и протянул к нему хищную лапу с ярко сверкающими когтями. Другие силуэты стояли рядом, молча наблюдая...

Яркая вспышка пронеслась в его сознании.

Ользан очнулся. Он сидел на полпути к источнику, на корточках, в крайне неудобной позе и ноги уже начинали затекать. Его била дрожь. Когда он оторвал правую ладонь от земли, под ней оказалась белая пыль. Ользан поморгал и присмотрелся, насколько позволяло скудное освещение от пасмурного неба.

Череп. Вернее, то, что было черепом. Тем самым, на который он наткнулся утром. Остальные кости лежали рядом, почти не потревоженные.

– Они убили сурка, чтобы закрыть, – произнёс Ользан неожиданно для самого себя и вздрогнул. Что закрыть? Откуда взялась эта фраза?

– Со мной что-то случилось, – проговорил он. Теперь уже по своей воле, без чужого голоса, шепчущего в уши. И было похоже, что это правда. Что-то случилось.

Пора идти спать, решил Ользан и почувствовал невероятную усталость. Сколько он просидел здесь? И зачем, кстати, сюда пришёл? Не хватало ещё стать лунатиком. Нет, друид прав, слишком много впечатлений – вредно для здоровья.

Страх, впрочем, рассеялся к тому моменту, когда он вернулся в свой шатёр. Часовой бодрствовал, но не обратил на Ользана ни малейшего внимания.

Словно тот не существовал.

* * *

Сборы были невесёлыми.

Веркласс не выпался и бродил, спотыкаясь о вещи. К счастью для экспонатов, их ящики были достаточно крепки даже для такого массивного человека, как Веркласс –

изредка только что-то жалобно позвякивало. Друид, ко всеобщему удивлению, отправился разводить костёр и на некоторое время у всех пропал стимул к активности.

Ользан не стал сворачивать шатёр – ветерок с утра был достаточно прохладен; тумана, вопреки словам друида, не появлялось и в облаках кое-где появились просветы. Холодно. Когда ещё тронемся в путь...

– Погода изменилась к лучшему, – вздохнул Илитанна, – а мы уезжать собрались. В сущности ведь, ничего не собрали. Конечно, ваза...

Ользан вынес вазу наружу и принялся её рассматривать, в свете нарождающегося дня. Краски выглядели совсем по-другому – живее и ярче, без тусклости, ощущения ветхости и непрочности. Странное чувство на миг охватило юношу – словно совсем другой мир, исполненный иных цветов, запахов и звуков на миг окружил его зыбким облаком. Стоило пошевелиться, однако, как наваждение исчезло без остатка. Как странно, подумал он, всматриваясь в скрытые прежде линии орнамента, что даже на слабом солнечном свете выглядели чётче, нежели под ярким светом лампы. Вот здесь, здесь и здесь узор нарушен. Если провести его так же, как на соседнем участке орнамента...

К удивлению юноши линии орнамента стали чётче и ровнее. Ользан издал возглас удивления, шагнул назад и едва не полетел кубарем через мешок с вещами. Верккласс выскочил на крик и уставился на вазу, не веря своим глазам.

– Чтоб мне лопнуть... – только и смог он произнести.

Линии орнамента полностью обновились на всей поверхности сосуда. Миниатюры на боках стремительно набирали цвет, а глазурь становилась блестящей – словно только что из печи. К тому моменту, когда на шум вышел Илитанна, тонкий солнечный луч вырвался из-за горизонта и коснулся лиц археологов, их лагеря и – вазы.

Ваза издала пронзительный звук колокола. Вибрация была неожиданно мощной; Ользан едва не упустил их главное сокровище. В это момент откуда-то с севера послышалось что-то вроде вдоха и земля качнулась под ногами.

– Смотрите, – выдохнул Верккласс, указывая пальцем.

Чахлое деревце, что торчало одиноко посередине долины, росло на глазах, набирая силу, превращаясь в могучий ствол с пышной кроной. Но не это привлекало внимание путешественников. Рядом с деревом из ничего возникло красивое куполообразное строение – тщательно отделанное, со множеством изображений на стенах. Невысокий каменный забор окружил и дерево, и гробницу. Ворота, ведущие внутрь, были открыты. Порыв ветра освежил изумлённых археологов и вновь стало спокойно.

Было настолько тихо, что каждый ощущал биение своего сердца.

– Я говорил, что она хорошо скрыта, – довольным голосом произнёс незаметно подошедший Охтанхи. Ользан вздрогнул от неожиданности и Илитанна ловко подхватил выпавшую из его рук вазу. Та выглядела, как новенькая.

– Теперь никто не поверит, что я собрал её по частям, – вздохнул он, бережно опуская её внутрь ящика. – Ну что, Охтанхи, мы уезжаем или остаёмся?

– Уезжаем, – ответил тот ко всеобщему изумлению. – Но сначала мы посмотрим на всё это – и махнул рукой в направлении гробницы.

* * *

– Нет, Охтанхи, похоже, что ты перегибаешь палку, – ворчал недовольный Верккласс. Карлик нарочито (как показалось всем остальным) медленно приготовил завтрак, не спеша поел и долго сидел, размышляя и глядя на чудесным образом возникшее строение. – Всё-таки экспедицию организовал я. Мы, конечно, прислушиваемся к твоим советам, но почему,

ради всех богов, мы должны уезжать? Мы только что сделали потрясающее открытие! И что – бросать всё, оставить кому-то ещё?

– Ты ничего не понял, Верккласс, – спокойно отвечал друид. – Ользан смог – и мне вновь непонятно, как – пробудить магию, спавшую долгое время. Посмотри сам. Гробница настолько насыщена магией, что это ощущается отсюда. Как ты думаешь, что с тобой будет, если ты попытаешься вскрыть её?

Лучник потеревил бороду и пожал плечами.

– Вот и я не знаю, – продолжал карлик. – Судя по всему, ничего хорошего. Эта гробница достойна по крайней мере императора. Во всяком случае, великого вождя. Не зря же они выбрали настолько затерянную долину.

– Но посмотреть-то можно? – спросил Ользан. – Ничего не трогать, а просто посмотреть?

– Думаю, что да, – пожал плечами друид. – У нас у всех здесь голова вроде бы на плечах, так что – ради всего хорошего, не думайте ни о каких находках и сокровищах, когда будете поблизости. Это – гробница, место последнего отдыха. Пока вы не перестанете считать её чем-то ещё, мы не сдвинемся с места.

Никто не проронил ни слова.

– Вот и договорились, – подвёл итоги друид. – Зря беспокоишься, Верккласс. Скорее всего, никто не сможет туда войти, не уничтожив всё, что преграждает путь грабителям. Разве что потомок арратов. Но мне кажется, что их потомки, если они вообще сохранились, почти не помнят, кем или чем были их предки.

Илитанна встрепнулся и хотел что-то сказать, да передумал.

– Ользан, – пронзительно-синие глаза друида вновь встретили его взгляд, – впредь старайся ничего не читать, не дорисовывать. До сих пор тебе – и нам всем – везло. Но везение тоже кончается. Так что, умоляю, вначале по крайней мере предупреждай, что ты собираешься сделать.

– Хорошо, – буркнул Ользан. Это было, конечно, глупо, но слова карлика задели его. Обращается, словно к неразумному ребёнку!

– Подождите, пока я не вернусь, – заключил карлик и, неожиданно для всех, сорвался с места и убежал куда-то в сторону восточного спуска.

Все остальные проводили его недоумённым взглядом.

* * *

– Что-то он задумал? – вполголоса спросил Верккласс, ни к кому особенно не обращаясь.

– По-моему, кого-то ловит, – заметил ольт, осматривая долину. – Точно, какого-то зверька ловит. Интересно, зачем он ему?

– Может, там ловушки? – предположил Ользан. – Я слышал, что это достаточно обычный способ – пускать впереди себя что-нибудь живое – в качестве проверки.

– Вряд ли, – махнул рукой бородач. – Ловушки там рассчитаны на двуногих прямоходящих, не иначе. Вряд ли они сработают от какой-нибудь мелочи... Ну ладно. Трудно спорить с друидами, иногда проще подчиниться.

Ольт едва заметно усмехнулся за его спиной. Ользан тоже едва не рассмеялся. Решениями карлика никогда не пренебрегали – хотя, конечно, экспедицию действительно финансировал Верккласс. Дворец Мысли официально не поощрял археологию, но на деле щедро платил за все новые сведения. В подобных случаях, когда предприятие могло прямо или косвенно оскорбить чьи-либо чувства, оно никогда явно не одобрялось.

Ользана это постоянно коробило – привыкнуть к подобному было не так-то просто. В городке, где прошло его детство – в трёх сотнях километров к востоку от Оннда – всё было как-то проще. Нельзя – значит, нельзя. Можно – значит, можно. Жаль, что не везде так...

От раздумий его отвлек друид. Последний вооружился своим посохом (без которого обычно обходился) и махнул им в сторону гробницы.

– Ну что ж, идёмте. Я надеюсь, что не напрасно заставил вас ждать.

* * *

Все четыре угла забора, что был почти идеальным квадратом – одна из сторон его смотрела на север – венчали скульптуры грифонов. Небольшие, чуть более метра высотой изваяния. Глаза из отшлифованных рубинов зловеще поблескивали на путников.

Ворота – низенькая арка – были открыты. На стене гробницы, обращённой к археологам, был барельеф – высокий человек со множеством украшений, длинным копьём и щитом в руках и множество других людей на заднем плане. Среди последних выделялась, несомненно, женская фигура, со спиралеобразным посохом в одной руке и венком в другой.

– Что скажете? – спросил карлик таким тоном, словно это был экзамен, а сами они располагались не у входа в позабытую всеми гробницу, а в уютном и тихом библиотечном зале.

– Скажу, что это кто-то очень важный, – произнёс Верккласс, близоруко прищуриваясь. – Да, несомненно... Либо вождь Первой Ветви, либо сам Император.

– А ты что скажешь? – повернулся карлик к Илитанне.

Тот пожал плечами и опустил свою сумку на землю.

– Император, конечно, – ответил он в конце концов. – Вместе с супругой-жрицей и десятью министрами. Куда уж проще.

Карлик повернулся к Ользану. Тот пожал плечами.

– Я мало знаю об арратах, – ответил юноша, ощущая себя крайне неловко. – Но по-моему, это не последний император. Того постоянно изображали с топором, а не с копьём. По-моему.

– Верно, – кивнул друид. – Ну, то, что это – не последний, следует хотя бы из возраста гробницы. Грифоны спят – он указал посохом на ближайшего, – значит, можно входить. Напоминаю. Никакого мародёрства. Иначе мы живыми отсюда просто не уйдём.

По одному археологи входили под арку, пригибаясь так, чтобы не коснуться камня головой. К удивлению Ользана, карлик также пригнулся, входя – хотя мог бы этого и не делать. Мысль шевельнулась где-то в глубине сознания юноши, но на поверхность не вышла.

Изнутри дворика всё выглядело по-другому. Глаза грифонов были ярко-жёлтыми, а выхода наружу и вовсе не существовало.

– Ничего себе, – произнёс Верккласс, озираясь. – Как же мы выйдем?

– Не беспокойся, – карлик пошевелил пальцами в воздухе. – Не это самое трудное. Ну-ка, кто самый наблюдательный – где вход в гробницу?

– Всё бы тебе, Охтанхи, в игры играть, – неодобрительно отозвался бородач, но в глазах его мелькнула искорка. – Сейчас посмотрим.

Все разбрелись по дворику – площадью с хорошую городскую площадь – и принялись осматриваться. Один только Охтанхи направился напрямик под дерево, после чего совершил некий, видимо, важный, ритуал: поклонился дереву, высыпал что-то лёгкое, порошкообразное на землю перед ним и несколько раз коснулся посохом грубой коры. Ближайшие ветви, с удивлением отметил Ользан, находились не ниже тридцати метров. Само же дерево возвышалось метров на восемьдесят. Откуда только оно здесь взялось...

Ну да ладно. Где тут может быть вход? Поверх монолитной на вид поверхности гробницы продолжался барельеф. Ользан медленно пошёл против часовой стрелки, изучая роспись. Тут было на что посмотреть. Колонны воинов, уходящие за горизонт; высокие башни с дозорными на них; могучие горы, на фоне которых возвышался величественный дворец. Множество разнообразных букв, странная символика, которую раньше Ользану видеть не доводилось. Он машинально извлёк тетрадь и сделал несколько набросков. Кто знает, удастся ли ещё посмотреть на всё это...

В конце концов он сделал три полных круга и обнаружил, что двое остальных присоединились к друиду и с интересом наблюдают за его, Ользана, перемещениями. В общей сложности роспись вмещала десятка три сцен. Где же намёк на вход?

Так-так... Ага, вот здесь: парадные ворота дворца. Император выходит из них... что-то странное в его одежде. Ну конечно! Он в погребальном наряде! Ользану на миг стало жутко. Улыбающийся аррат шёл, увенчанный крохотным венком из листьев священного дуба, а его супруга в сопровождении двух высоких воинов следовала поодаль, с выражением скорби на лице. Не здесь ли?

Он отметил эту сцену и двинулся дальше, совершая уже четвёртый круг. Может быть, что-то ещё? Он следил за множеством фигур и символов, пока вдруг взгляд его не привлекло высеченное в камне дерево. Вот оно что! Всё остальное – выдающееся наружу, а дерево – высеченное в камне, сантиметров тридцати в высоту. Он оглянулся. Точно. Изображение почти полностью передавало пропорции дерева, у которого сидели все остальные.

Ользан указал на дерево и карлик неожиданно заплодировал. Илитанна его поддержала, а Веркласс – посмотрел на своих коллег с удивлением.

– Так что, я ошибся? – с недоумением осведомился он.

– Ты выбрал парадные ворота? – спросил Ользан, подходя поближе. Лучник коротко кивнул.

– И сделал бы ошибку, – ответил друид. – У гробниц всегда было два входа. Один – для взломщиков. Тот, который нашли вы все. И один – настоящий – тот, который только Веркласс не увидел. Впрочем, огорчаться не стоит, замаскировано на совесть...

– Вечно он меня дураком выставляет, – проворчал себе под нос Веркласс, следуя позади всех. – Ну и жизнь!

Впрочем, его раздражение звучало не вполне искренне.

Карлик подошёл к изображению дерева и прикоснулся к нему ладонью. Раздался едва слышный скрип и часть стены медленно повернулась вокруг невидимой оси. Открылся лаз, высотой чуть меньше метра.

– И что, туда лезть? – изумлённо спросил Веркласс. Друид молча кивнул. – Святые отшельники! Ну и дела... Что ж, поползли...

И Веркласс, который не отличался излишней стройностью, храбро втиснулся в тоннель и быстро исчез в нём. Минуту все ждали, когда он подаст знак, и вот откуда-то донёсся его голос, слегка приглушённый: – Давайте сюда, только захватите какое-нибудь освещение. Тут темно, как в... словом, ни зги не видно.

Ользан был вторым и на полпути не выдержал и расхохотался. Он надеялся, что не оскорбит этим тех, кому был уготован вечный покой.

* * *

– Старайтесь ничего не трогать, – донёсся до них голос друида. Карлик сначала двигался довольно медленно – лаз был спиральным. Ользан пережил не один неприятный момент, когда был вынужден – ценой некоторых усилий – подниматься вверх, полужёжа на спине. Ему на несколько секунд стало страшно – показалось, что камень мягко сомкнулся

вокруг и не пускает дальше – но вот чьи-то руки схватили его под локти и втянули внутрь. Точно так же внутрь втащили Илитанну.

– Не отходи далеко от лаза, – посоветовал невидимый в темноте Верккласс. – Пока у нас нет освещения, лучше вообще не двигаться.

– Постой, так ведь у всех есть огнива! – удивился Ользан. – Или ты своё не взял? Давай факел, я зажгу его. У тебя в сумке должны быть факелы.

– Не вздумайте ничего зажигать, – предупредил их Охтанхи, который приближался неожиданно быстро. – Подождите меня, сейчас устроим освещение...

– Верккласс, – голос Илитанны был немного насмешливым.

– А? – Ользан ощутил, как Верккласс машинально повернул голову на звук.

– Медленно повернись налево и сделай два шага, – посоветовал ольт и Ользан вспомнил, что ольты неплохо видят в темноте. – Поверь мне, это хороший совет.

Верккласс повиновался. Тут же послышался шорох и стук дерева о камень. Карлик, ворча, долго счищал с себя пыль. Остальные – кроме Илитанны, который осторожно ходил по комнате – терпеливо ждали.

– Закройте глаза, – посоветовал карлик. Сквозь сомкнутые веки Ользан ощутил, как в комнате стало светло и осторожно открыл глаза.

– Да-а-а... – протянул Верккласс, поражённый. – Никогда такого не видел!

Было чему удивляться. Комната была невероятно просторной – казалось, намного больше, нежели снаружи. Всевозможные драгоценные изделия – золотая и серебряная утварь, монеты, украшения, слитки, гравюры и многое из того, для чего не сразу вспоминалось название громоздились вокруг – сложенные, казалось, безо всякого видимого порядка.

Но не это было наиболее поразительным. Посередине находилось массивное ступенчатое возвышение, и даже издали было видно, что оно – из чистого золота. Облечённый в пышные одежды, закрыв глаза, на возвышении лежал человек. На груди у него лежали щит и копьё – поверх которого были сложены ладони. Человек выглядел, как живой. Казалось, оклики его – и проснётся.

– Верккласс, обернись, – предложил Илитанна. – Только медленно.

Бородач вновь повиновался... и замер, открыв ещё шире. Позади него стоял воин – под два метра ростом, в лёгкой, но ослепительной кольчуге и кожаной куртке поверх. Воин опирался на копьё со сверкающим наконечником и смотрел Веркклассу прямо в глаза. Последний попятился и перевёл дыхание. Затем осторожно протянул вперёд руку. Когда от кончиков пальцев до руки воина оставалось не более ладони, слабая сиреневая дымка окутала неподвижную фигуру и в воздухе послышался отчётливый запах озона.

Лучник поспешно отступил.

– Потому-то я и советовал отойти, – пояснил Илитанна. – Мастерская работа. Совсем как живые...

Он указал себе за спину. Там стоял второй воин – похожий на первого, только наконечник копья у того отливал золотом.

Но более всего Ользана потрясла женщина, что стояла в головах у лежащего на возвышении Императора. Она была потрясающе красива. Как и у Императора – да и всех остальных «статуй» здесь – кожа её была слегка бронзового оттенка. Глаза её были открыты, на лице застыла печальная улыбка. Одежды её были очень просты. За тысячелетия накидки, что одевали жрецы почти не изменились. Траурная серая полоса шла по краям одеяния.

В правой руке она держала короткий спиралеобразный жезл, что указывал теперь куда-то под голову её супруга. Их сон должен был длиться до конца времён.

Друид молча смотрел на спокойно улыбающегося Императора и медленно поклонился ему. Остальные последовали его примеру.

* * *

– Они живы или нет? – спросил Ользан шёпотом. Взгляд жрицы сверлил его спину и ощущение того, что все здесь находящиеся лишь делают вид, что мертвы, не оставляло его ни на минуту.

Карлик, который всё это время внимательно осматривал стены, что-то время от времени записывая, бросил на юношу короткий взгляд.

– Что я могу тебе ответить? – спросил он. – Я знаю одно – что все они, исключая Императора, предпочли сохраниться вместе с ним в веках, чем доживать свои дни среди живых. Они не живы, но и не мертвы. Точнее я не могу ответить.

– Но как арратам удалось их так сохранить?

Друид пожал плечами.

– От них осталось много знаний, но часть всё же утеряна. Например, как они сохраняли своих покойников, – он покосился на вечно скорбящую жрицу и поправился, – повелителей. Возможно то, что мы здесь увидим, поможет нам пролить свет на некоторые из тайн.

Веркласс, что быстро оправился от первоначального изумления, бродил вокруг, с шариком *килиана* в руке – делал запись. Никто не посмеет прикоснуться к этим сокровищам – по крайней мере, пока действует воздвигнутая арратами оборона – но увидеть их смогут некоторые избранные.

Илитанна занимался полом. Мозаика, покрывавшая весь пол гробницы, изобиловала множеством повторяющихся геометрических элементов. Ольт сосредоточенно перерисовывал линии, замерял что-то, осторожно постукивал молоточком. Стражи, что несли теперь охрану своего владыки, не вмешивались. Незваные гости не пытались осквернить священное место. Во всяком случае, пока.

– Как же грабителям удалось взломать остальные гробницы? – поразился Ользан, глядя в лицо жрице, чья империя более не существовала. – При такой охране?

– Капля камень точит, – ответил карлик, не оборачиваясь. И всё. И более ни слова.

Более четырёх часов провели археологи, записывая, зарисовывая и запоминая. Ользан извёл остаток тетради на зарисовки и сел так, чтобы не видеть жрицы. Остальные прилежно занимались своим делом, пока, один за одним, не уселись рядом с юношей – в южной части помещения, где было немного пустого пространства.

– Жаль, что мы никогда не узнаем, что с ними случилось, – пожалел Илитанна и повёл вокруг рукой. – У них была великая империя в те дни, когда мой народ только начинал строить свою, – Илитанна никогда не подчёркивал, какой он расы; после произнесённой фразы головы повернулись в его сторону.

– Всё меняется, – заметил Веркласс устало. – Всё проходит.

– Великое открытие, – усмехнулся Ользан, передавая ему фляжку с водой.

– Ты даже не представляешь себе, какое! – возразил ему бородач. – Вдумайся в эти слова: всё меняется. Всё. Всё исчезнет. Рано или поздно. В таких местах мне всегда становится грустно, – покачал он головой. – А не стоило бы. Старею, наверное.

– Смотрите! – позвал их карлик. Все тут же поднялись и подошли к нему.

В дальнем углу гробницы, под сложенными в пирамиду копьями стояла небольшая металлическая чаша. Чёрный, маслянистый пепел выстилал её дно; лёгкий дымок курился над ней.

– Не подходите близко, – предупредил друид. – Я не знаю что это, но вряд ли это ответственные благовония. Хорошо, что я хорошенько выждал, прежде чем пустить вас сюда.

Веркласс повёл носом. Пахло чем-то, отдалённо напоминающим мускус. Он поморщился.

– Ловушки, кругом ловушки. Ну что, Охтанхи, выбираемся отсюда?

– Да, – ответствовал карлик. – Но сначала придётся принести дань мёртвым.

– Как это? – не понял Верккласс.

– Знак уважения, – карлик указал на груды вокруг. – Откуда, по-твоему, здесь всё это?

Чтобы выйти отсюда невредимыми, надо оставить здесь то, что дорого тебе более всего.

Лучник присвистнул. Затем побагровел.

– Почему бы тебе было не предупредить об этом заранее? – произнёс он с явной угрозой в голосе. – Что ещё за странности? Откуда ты это знаешь?

– Прочёл, – карлик указал на стены. – Ради всех богов, Верккласс, не спорь и не ссорься со мной. Здесь действуют силы, намного превышающие возможности нас четверых.

Прошла бесконечно долгая пауза. Карлик первым сложил свой посох в пирамиду с копьями.

Верккласс положил туда же свой лук. Вид у него был такой, словно его вели на казнь.

Ольт, с ничего не выражающим лицом, положил рядом с пирамидой небольшой серебряный свисток.

Ользан со вздохом положил свой «кошелёк» туда же. Очень жаль, подумал он. Хотя... чтобы взглянуть на такую красоту...

Едва он поднялся с пола, как в западной стене со скрипом распахнулась дверца и внутрь гробницы ворвался свежий воздух. Солнце было всё ещё высоко. Лучи его ослепляли.

Карлик ещё раз поклонился безмятежному Императору и вышел наружу. Остальные последовали его примеру. Ользан был последним. Он взглянул ещё раз на жрицу – возможно, в последний раз в жизни. Да, наверняка в последний.

Показалось ли ему, или рука «статуи» шевельнулась?

Дверца мягко скрипнула за его спиной и гробница вновь стала неприступной.

* * *

– Хорошенькое дело! – возмущённо воскликнул Верккласс, в четвёртый раз обежав внутренний дворик гробницы. – Где же выход, Охтанхи? Что нам, через стену перелезть?

Карлик сидел в тени, и вид у него был очень уставший.

– Попробуй, – произнёс он равнодушным голосом. – Я знаю один способ, но, возможно, твой окажется проще.

– Смотрите-ка! – Илитанна указал на заострённую тень от клюва ближайшего грифона. – Тень не сместилась. Похоже, что здесь время не шло? Так, Охтанхи?

– Возможно, – карлик посмотрел на дерево, защищая глаза от солнца ладонью. – Да, несомненно. Я, признаться, такого не ожидал.

Верккласс тем временем бродил возле южной стены – там, где некогда была арка – и тщательно ощупывал стену. Всё было одной сплошной кладкой. В конце концов, лучник решил.

– Была не была... – прошептал он и, подпрыгнув, положил ладони на верх стены, ухватился за камень и попытался подтянуться.

С лёгким скрежетом грифон слева от него повернул каменную голову в сторону человека и разинул клюв. Подобрался, широко размахивая крыльями. Хриплый крик вырвался из каменной глотки, и глаза изнутри осветились красным пламенем.

Остальные наблюдали, поражённые, как каменное (каменное ли?) существо легко поднялось на задние лапы; опустилось и, вцепившись передними, птичьими когтями в камень, издало новый угрожающий крик, уставившись бездонными глазами на пришельца.

Справа от него, и сзади донёсся слабый скрип.

Веркласс, перепуганный насмерть, спрыгнул наземь и отбежал от стены. Грифон проследил за ним взглядом и, устроившись на стене в прежней позе, замер. Глаза его потухли и вновь стали жёлтыми.

Илитанна тихонько засмеялся. На этот раз Веркласс не обиделся (чему Ользан очень удивился).

– Проклятие, – прошептал лучник. – Надо было это записать. Охтанхи, ты видел?

– Нет, но догадываюсь, – карлик поднялся наземь и аккуратно развязал второй свой мешочек – тот, что оставался снаружи гробницы.

– Я знаю, как отворить двери, – вздохнул Охтанхи, – но очень неприятно то, что я должен для этого сделать. – Он запустил руку в мешок и извлёк изнутри перепуганного, жалобно пищущего каменного сурка. Зверёк слабо трепыхался у него в руке, не пытаясь сопротивляться. Другой рукой друид извлёк из того же мешка небольшой каменный нож.

Неприятный холодок пополз по спине Ользана.

– Они убили сурка, чтобы закрыть, – повторил он, словно во сне. Карлик бросил на него краткий взгляд и жестом приказал – отойдите. Все молча разошлись в разные стороны.

Нож опустился, и отчаянный писк оборвался. Нож опустился ещё четыре раза, расчленив тельце. Ользан отвернулся, его неожиданно скрутила тошнота.

За его спиной послышался хруст камня и земля дрогнула под ногами. Чёрный туман поплыл перед его глазами.

– Быстрее, – чья-то рука схватила его за локоть. – Проход скоро закроется.

Он не помнил, как оказался снаружи.

* * *

Привал устроили тут же, отойдя от гробницы едва ли на сотню шагов. События этого утра – для них оно было на четыре часа длиннее, чем для всего остального мира – измотали всех. Веркласс помахал стражам, что стояли на полпути между ними и лагерем – всё спокойно. Те кивнули и вернулись назад – собирать вещи.

– А ты соврал, Охтанхи, – Веркласс откусил добрый кусок оленины и махнул остатком в сторону арки. – Проход не исчез.

– Сходи да проверь, – карлик ехидно улыбнулся. – Поймать тебе сурка?

– Зачем было его так... – Ользан замаялся, – разделявать? По-другому нельзя было?

Друид покачал головой.

– Радуйся, что времена изменились, друг мой. Всего лишь десять тысячелетий назад все наши ритуалы требовали кровавых жертв. Иногда – человеческих. То, что я сделал – всего лишь повторил то, о чём гласили письмены. Кстати... Что ты сказал там, перед тем, как я провёл ритуал?

Ользан нехотя повторил.

Карлик вновь покачал головой.

– Меня пугает то, что узнаёшь, юноша. Ты слишком молод, чтобы получать знание *таким* образом... Смотри, не перестарайся...

Ользан вспыхнул.

– Не обращай на него внимания, – толкнул его локтем в бок Веркласс. – Большая часть наших находок – твоя заслуга. Всё в порядке, Олли. Охтанхи просто слишком стар, ему сами боги велели ворчать по любому поводу.

– Молод ты обо мне судить, – произнёс карлик с надменным видом и встал, опираясь на свой посох. Все остальные рассмеялись – и Охтанхи в том числе. Неожиданно Веркласс вскочил и указал дрожащим пальцем на посох друида.

– Ты... ты же оставил... – искра озарения мелькнула в изумлённых глазах лучника и он полез в свой мешок. Лук оказался на месте. В глазах Веркласса засветилась безумная радость.

Ольт, также поражённый, извлёк из кармана серебряный свисток и уставился на него, словно не понимая, что это за вещь.

Ользан, ахнув, хлопнул себя ладонью по правому боку. «Кошелёк» был там – вместе со всем грузом, что был внутри. Со всем, что вообще было у Ользана.

Все трое уставились на карлика, в глазах их читалось и восхищение и недоверие.

– Император великодушен, – указал карлик рукой на гробницу. – Не стоит говорить, что его империя исчезла.

Четверо очень долго стояли рядом, бок о бок, глядя в сторону гробницы. Могучее дерево мирно шелестело листвой; птицы безбоязненно садились на его ветви.

XIII

К вечеру со стороны южного прохода донеслось конское ржание.

Охтанхи вскочил и посмотрел в ту сторону.

– Вовремя, – он хлопнул в ладоши. – Сюда, мои дорогие.

Спустя каких-нибудь пять минут подошли три лошади – выглядели они обычно, но, как уже узнал Ользан, были тяжеловозами. Стражам сразу же нашлась работа – за которую они взялись с удовольствием. Несмотря на высокую плату, на некоторое разнообразие, наблюдение за археологами привело их в состояние, близкое к унынию. Что ж, могли бы быть и разбойники.

Ользан немало бы удивился, если бы узнал, что солдаты не видели никакой гробницы. Всё, что они заметили – это появление могучего дерева. Вот уж будет о чём рассказать! Хотя и не очень великое, а всё волшебство. В городах применение магии было строго регламентировано – и многие жители Ралиона проживали свой век, недоумевая, что же понимает под «магией» весь этот учёный люд...

– Кому можно об этом рассказывать? – спросил Ользан, неожиданно вспомнив Коллаис. Тут же он осознал, что страшно скучает по ней. Экспедиции, как средству отвлечения, была грош цена.

Верккласс задумчиво взглянул на него.

– Мозги у тебя на месте, – проронил он, наконец. – Кому сочтёшь нужным. Сам понимаешь, что охотники до золота найдутся. Так что думай. В любом случае, не теряйся в Оннде. Нас ждут через три дня во Дворце Мысли и ты там будешь главным докладчиком. Смотри, не загордись.

Ользан неловко усмехнулся, и разговор продолжался уже на другие темы.

– Кстати, – спросил он Илитанну, пока Верккласс с друидом о чём-то оживлённо спорили, вглядываясь в глубины *килиана*. – Что это за свисток у тебя? Если не секрет, конечно.

– Секрет, – ольт улыбнулся. – На, попробуй.

Ользан взял в руки небольшую изящную безделушку и с сомнением посмотрел на неё. Затем осторожно прикоснулся к свистку губами и легонько дунул.

Мелодичная птичья трель вырвалась из свистка. Но, судя по всему, лишь Ользан да Илитанна заметили её. Ользан сразу же опустил руку со свистком, но мелодия продолжалась. Юноша поспешно встал – ему казалось, что он взлетит, если проделает это слишком быстро. На какой-то момент все его чувства обострились. Он увидел долину и смутно видневшийся северный перевал далеко за ней. Он увидел каждую ночную бабочку, каждую мошку, – всё единой застывшей картиной, словно выхваченной вспышкой из темноты. Запахи долины обрушились на него, Он опустил голову вниз и увидел – смутно – нечёткие тени, что скользили неторопливо где-то под ногами.

Тут же всё и окончилось.

Ошеломлённый всем, что неожиданно обрушилось на него, Ользан едва не рухнул наземь. Илитанна стоял рядом и наблюдал за ним. Молча, без усмешки.

– Честно говоря, я так и не понял, что он делает, – признался юноша, возвращая ольту его собственность.

– Он для каждого свой, – заметил тот, убирая свисток прочь. – Поскольку я не знаю, что он сделал для тебя, мне трудно сравнить. Впрочем, мне и описать-то трудно. Скажу только, что мне было сказано: использовать только в безвыходных ситуациях.

– И часто ты его использовал?

– Один раз. Как и ты, из любопытства...

* * *

Обратная дорога была достаточно однообразной. Первые два дня повозки, тяжело груженные людьми и ящиками, двигались быстро: дорога шла под гору. Верккласс, когда устраивали привал, сочинял один за другим отчёты об экспедиции и, время от времени, рвал листы на части. Главная трудность, как он объяснил, была в том, чтобы, с одной стороны, убедить правительство продолжать финансировать его экспедиции, а с другой – дать информации настолько мало, насколько возможно.

– Не то сюда сам знаешь зачем повалят, – пояснил он, уничтожая пятый вариант своего отчёта. Участвовать же в его составлении он никого более не допускал.

...В конце концов они миновали один за другим Терлинг и Валлир – самые северные города Федерации – и потянулись бесконечные поля. Слева и справа они тянулись – куда хватало взгляда. Этим количеством зерна можно было бы накормить несколько Федераций, заметил Ользан. Зачем столько много? Ведь, насколько всем известно, Федерация издавна торгует с Алтионом, который снабжает продовольствием весь Континент. Друид только пожал плечами.

– Видимо, кому-то нужно столько зерна, – произнёс он. – Честно говоря, меня это мало интересует.

...Вечером четвёртого дня они въехали в Оннд и странное чувство спокойствия охватило Ользана. Дома, подумал он. Это было странно. Вырос он в небольшой деревне под названием Камни Меорна. То, что осталось от одноимённого городка рудокопов, сожжённого во время одной из войн. Что за «камни», и при чём тут была небольшая деревушка – никто уже не помнил. Даже всезнающие старожилы.

– Ты сменил адрес? – спросил Верккласс на прощание. Ользан кивнул и продиктовал ему новый. – Я пришлю за тобой гонца. Кстати, в конце лета я, видимо, отправлюсь в новую экспедицию. Не хочешь присоединиться?

– Куда будет экспедиция?

Бородач пожал плечами.

– Скорее всего, на запад. Там непочатый край работы... да и не живёт никто. Точно пока не знаю.

Ользан вздохнул.

– Даже не знаю. Но на всякий случай загляни – вдруг буду свободен.

Верккласс кивнул. Ользан распрощался с Илитанной (друид исчез как-то ночью, не прощаясь – словом, как обычно) и свернул на более узкую боковую улочку. В кармане у него было немного денег – хватит перекусить, и домой. Спать! Чего это я так устал? Вроде бы сидел себе и сидел, ничего не делал... Ладно, утро вечера мудренее.

Он вошёл в харчевню (сейчас не до деликатесов) и уселся на одно из свободных мест на краю стола. Былолюдно; впрочем, музыка была вполне сносной, народ был хоть и из низших халла – сословий – но вёл себя прилично. На него никто не обращал внимания. Вот и хорошо.

Где-то посередине ужина Ользану стало как-то не по себе. Он оглядел заведение и понял, что видит всё сквозь дымку. Ользан схватился за голову, и ощущение немедленно прошло. Но стоило ему съесть ещё несколько кусочков, как очертания мебели, утвари и посетителей снова расплылись, воздух наполнила сероватая дымка, а уши заложило. «Заложило» – не вполне точное слово. Ользан ощущал, что десятки голосов непрерывно шепчут ему в уши – причём ни одного связного слова он разобрать не мог. Вот пакость, подумал он, вытирая неожиданно взмокший лоб рукавом и озираясь, неужели заболел?

Совершенно не к месту вспомнились рассказы о разнообразных проклятиях, подстерегающих любителей посещать захоронения и поживиться чужими сокровищами. Что, если?..

Чья-то рука похлопала его по плечу. Тут же всё вернулось в норму, и Ользан вздрогнул – словно от удара током.

Рука принадлежала невысокому человеку с короткой, ухоженной бородкой и добродушным лицом. На поясе у него висел странный предмет – короткий молоточек, выглядывавший, словно детская игрушка.

– Нездоровится? – спросил человек со слабым акцентом, выдававшим в нём уроженца... чего? Совсем уже не соображаю, подумал Ользан. Он посмотрел в глаза незнакомца и слабо улыбнулся.

– Нет-нет, всё в порядке.

– Как скажете, – человек кивнул и вернулся на своё место – через два сидения от Ользана. Его лицо мне знакомо, подумал художник, закончив трапезу и вытирая салфеткой губы. Да быть того не может. Никогда я его не видел. Такую вещь, как молоточек, трудно было бы не запомнить. Он бросил на стол плату за ужин и поспешил наружу.

Там, стоило ему вдохнуть вечерний воздух, насыщенный морской солью, туман накатил вновь. На этот раз ноги стали ватными, а в голову вонзилась тупая, медленно вращающаяся игла. О боги, подумал Ользан, прислонившись к ближайшему фонарю и массируя себе виски. Что-то я всё же подцепил. Если завтра не пройдёт, срочно пойти к лекарю.

Однако спустя какую-то минуту проклятый туман разошёлся вновь и более не повторялся. До своего – вместе с шантирцами – дома юноша дошёл безо всяких приключений. Солнце уже опустилось за горизонт и скоро станет совсем темно. По скрипучей лестнице Ользан поднялся на второй этаж, где располагались жилые комнаты и тихонько отпер дверь. Из других дверей полоски света не выбивались. Наверное, его друзья уже спят.

Вот и отлично, подумал Ользан. Будет сюрприз. И распахнул дверь в свою комнату. И действительно, сюрприз был хоть куда.

* * *

– Явился, бродяга! – довольным голосом взревел Бревин. Не ожидавший такого приветствия Ользан едва не присел от неожиданности. Бревин и Коллаис весело рассмеялись, довольные неожиданностью.

Большой стол переместился в центре комнаты и буквально ломился от разнообразных угощений. Голова у Ользана пошла кругом. Он провёл рукой по лицу и понял, что небрит. Ох и вид же у меня сейчас, подумал он, глядя на Коллаис и чувствуя, как уши отчего-то наливаются красным.

– Привет, – произнёс он растерянно, опуская на пол дорожную сумку. – А что мы празднуем?

– Ну как, – Бревин тут же почувствовал себя хозяином ситуации и принялся критически рассматривать одну из бутылок с вином. – Во-первых, ты вернулся из изгнания. Во-вторых, какое сегодня число?

– Семьдесят... второе... – догадка неожиданно всплыла у него в сознании, но не успела оформиться в слова.

– Ну и? – требовательно воззрился на него шантирец.

– Что? – пробормотал художник, закрывая за собой дверь и выражая своим видом полную растерянность.

– Ты только посмотри, – Бревин повернулся к Коллаис, которая смотрела на Ользана с каким-то сочувствием. – Человек умудрился забыть, что у него сегодня день рождения. Дожили!

– Точно, – Ользан плюхнулся с размаху в кресло и ощутил, что от его куртки всё ещё исходит запах дыма. Вовек теперь не отстирать, подумал он отчего-то. Как же так? Забыть свой собственный день рождения... Ну и дела!

– Так что, хочешь не хочешь, а отпраздновать придётся. Бревин небрежным движением вышиб пробку из бутылки и разлил тёмно-бордовую жидкость по бокалам. – Я надеюсь, ты не успел совершить глупость и поужинать где-нибудь?

– Успел, – сокрушённо признался Ользан, чем вызвал общий взрыв негодования.

– Тогда мы совместим праздник с наказанием, – объявил шантирец. – В следующий раз не забудешь. – Он поднял свой бокал. – Ну что же, за здоровье беглеца, который нашёл в себе храбрости вернуться!

Тост был поддержан единодушно. Объемся сегодня, как последняя свинья, подумал художник обречённо, оставляя куртку на вешалке и усаживаясь за стол. Ну да ладно.

Шантирец повёл носом и посмотрел на куртку, на загорелое лицо Ользана и хмыкнул. Бороду его раздвинула понимающая улыбка.

– Э-э-э, сестричка – он повернулся к Коллаис, – а он там всё это время вкушал деликатесы! Оленина? – сделал он вывод и вопросительно посмотрел на художника. Тот кивнул.

– Эх, природа, – вздохнул Бревин невпопад и уселся за стол. Некоторое время все сосредоточенно жевали. Несколько минут спустя Бревин откупорил другую бутылку – на сей раз с густым тёмно-вишнёвым напитком – и постучал по столу кончиками пальцев.

– Ну что же, – он поднял бокал вновь. – Давай рассказывай. По лицу вижу, что тебе есть, чем поделиться. У нас тут, сам понимаешь, новостей-то не особенно много.

Ользан глубоко вздохнул и украдкой покосился на Коллаис. Та была не в своём повседневном платье – с символикой целителя – а в другом, значительно более пышном. Из Шантира?

– С чего начать? – спросил он, глубоко вздохнув.

* * *

Он проснулся, и вновь ощутил, как шепчущий на разные голоса туман заполняет собой всё комнату. Он попытался подняться – ноги не слушались. Попытался позвать кого-нибудь – голос отказывался повиноваться. После нескольких секунд паники, которые длились несколько тысячелетий, Ользан окончательно пришёл в себя и, закрыв глаза, принялся мысленно повторять Мантру Сосредоточения, с некоторым усилием пробиваясь сквозь заполонившие мозг чужие голоса.

Тут же туман отпустил его. Ользан вскочил и обнаружил, что всё ещё взлохмачен и небрит. Где это я? Он оглянулся. Комната была аккуратно прибрана (Коллаис?), нигде не было ни пылинки. Странно. Ользан готов был поклясться, что совсем недавно они вчетвером сидели в долине, ожидая, когда появятся лошади...

Он встал и распахнул окно. Океан был подёрнут слабой пеленой (будь ты неладен, процедил Ользан сквозь зубы), но воздух был прохладен и свеж. От него юноша окончательно проснулся.

Да нет, конечно, всё в норме. Всё он помнил – и однообразную поездку в Оннд, и харчевню, и молоточек, и вчерашнее пиршество. Он схватился за живот и тот недовольно отозвался – что, мол, тебе ещё надо?

Но почему события целых пяти дней словно спрессовались в несколько коротких виде-ний? Ользан потряс головой. Снизу доносились голоса – видимо, все уже встали. Надо бы привести себя в порядок, а то... Ему удалось незаметно для всех проскользнуть в ванную комнату и он принялся разводить огонь под массивным баком с водой. Это тоже был ритуал, рассчитанный не на поспешное исполнение. С детства ему прививали отвращение

к грязи и вот привили... То, что было хорошо на природе, в походе, сейчас казалось чуть ли не отвратительным. Боги, как же я зарос...

...Спустя час Ользан, ощущая себя заново родившимся, с чистой совестью присоединился к обществу.

* * *

Общество состояло из шантирцев и... Веркласса. Бородач был тоже свеж и – в особенности с тщательно подстриженной бородой – выглядел гораздо лучше. Коллаис слушала его рассказ, затаив дыхание и Ользан, непонятно отчего, на миг ощутил раздражение.

– А, вот и он! – отозвался Бревин. – Давай-давай, спускайся. Тут тебя уже ждут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.